

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Р.И. Капелюшников, А.Ю. Ощепков

**РОССИЙСКИЙ РЫНОК ТРУДА:
ПАРАДОКСЫ ПОСТКРИЗИСНОГО
РАЗВИТИЯ**

Препринт WP3/2014/04

Серия WP3

Проблемы рынка труда

Москва
2014

Редактор серии WP3
«Проблемы рынка труда»
В.Е. Гимпельсон

Капелюшников, Р. И., Ощепков, А. Ю. Российский рынок труда: парадоксы пост-кризисного развития [Электронный ресурс] : препринт WP3/2014/04 / Р. И. Капелюшников, А. Ю. Ощепков ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – Электрон. текст. дан. (1 МБ). – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – (Серия WP3 «Проблемы рынка труда»). – 41 с.

В конце 2012 г. российская экономика вступила в необычный для нее период затухающих темпов экономического роста. В фокусе работы находится вопрос о том, как в этих условиях повел себя рынок труда. Раскрываются причины, почему, несмотря на нарастание экономических трудностей, его ключевые индикаторы – экономической активности, занятости, безработицы, наймов, увольнений и вакансий – продолжали оставаться на весьма благоприятных уровнях. Показывается также, что с определенной задержкой рынок труда все же начал реагировать на ухудшение экономической конъюнктуры. Авторы приходят к выводу, что в настоящее время на краткосрочные конъюнктурные колебания накладывается действие ряда долгосрочных структурных факторов, которые будут серьезно влиять на функционирование российского рынка труда в средне- и долгосрочной перспективе.

Ключевые слова: рынок труда, структурные изменения, экономическая активность, занятость, безработица, Россия.

JEL: J11, J21, J63, J64.

**Препринты Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» размещаются по адресу: <http://www.hse.ru/org/hse/wp>**

© Капелюшников Р. И., 2014

© Ощепков А. Ю., 2014

© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2014

Введение¹

В 2012 г. Россия вступила в необычный период последовательно затухающих темпов экономического роста. С 5,1% в последнем квартале 2011 г. (по отношению к аналогичному периоду предыдущего года) они упали до 2% в последнем квартале 2013 г., опускаясь до еще более низких значений в первые кварталы этого года. На фоне первоначального сверхактивного роста, последующего глубокого кризисного падения и энергичного посткризисного восстановления, через которые российская экономика прошла в 2000-е годы, анемичная ситуация с практически нулевыми темпами роста предстает как уникальная и не до конца понятная. Экономистами и политиками она может описываться по-разному – как «стагнация», «стагфляция», «еще не кризис», «отсутствие как кризиса, так и развития» и т.д.

Ситуация в экономике естественным образом проецируется на рынок труда. Осенью 2013 г. вполне оправданными казались как намерения правительства отказаться «от политики сохранения занятости населения любой ценой» (премьер-министр Д. Медведев), так и предостережения о «возможном ухудшении ситуации с безработицей» (министр экономического развития А. Улюкаев) и даже «возможном кризисе на рынке труда» (вице-премьер О. Голодец).

Однако до сих пор реальное поведение российского рынка труда мало соответствовало пессимистическим ожиданиям и прогнозам: несмотря на постепенное угасание темпов экономического роста, безработица продолжала удерживаться на рекордно низкой отметке (5–5,5%). Трудно избежать впечатления, что резкого ухудшения положения дел в экономике рынок труда фактически «не заметил». Возможно, поэтому в начале 2014 г. характер публичных заявлений изменился: «мы [правительство] держим ситуацию под серьезным контролем, но пока признаков роста безработицы явных нет» (О. Голодец); «ситуация с безработицей у нас – самая спокойная среди современных, развитых экономик» (Д. Медведев); безработица хотя и может возрасти, но до «незначительного, комфортного для страны уровня» (А. Улюкаев).

Отсутствие видимой реакции со стороны рынка труда выглядело настолько парадоксально, что в первой половине 2013 г. это спровоцировало заочную полемику между экспертами Всемирного банка и официальными представителями российских экономических ведомств. Первые усматривали в устойчиво низкой безработице однозначное свидетельство перегрева российской экономики, предполагающего, что она функционирует на границе потенциального выпуска или даже ее перешагнула; вторые с этим не соглашались и, ссыла-

¹ Авторы выражают признательность В.Е. Гимпельсону за ценные советы и замечания.

ясь на индикаторы, не относящиеся к рынку труда, доказывали, что фактический ВВП находится на уровне явно ниже потенциального. Из этих расхождений в диагнозе вытекали очень разные практические рецепты: первый подход означал, что меры макроэкономической политики уже бессильны стимулировать экономический рост и в новых условиях упор должен делаться на структурных реформах, тогда как второй предполагал, что такие меры вполне способны подстегнуть рост, поскольку главной проблемой по-прежнему остается недостаток совокупного спроса.

Каковы же текущее состояние и перспективы российского рынка труда на самом деле? В настоящей работе представлен подробный анализ этого вопроса. Основываясь на официальных данных Росстата, мы анализируем динамику ключевых индикаторов рынка труда: экономической активности, занятости и безработицы; найма, выбытия и вакансий; уровней оплаты и производительности труда. Своеобразие текущей ситуации обусловлено тем, что на краткосрочные конъюнктурные колебания наложилось действие долгосрочных структурных сдвигов. Для выявления долговременных трендов мы сравниваем докризисный и посткризисный периоды, а анализ краткосрочных эффектов строим преимущественно на данных за два последних года – 2012 и 2013. Как известно, в 2013 г. рост экономики практически прекратился и рынок труда вынужден был искать пути адаптации к новой реальности.

1. Предложение труда: на пороге негативной динамики

В настоящее время российская экономика вплотную подошла к порогу резкого сокращения предложения труда, связанного с вступлением страны в длительную демографическую «яму». Это сокращение носит характер долговременного тренда и в предстоящие годы будет оказывать огромное влияние на все стороны экономической жизни страны.

Парадокс текущей ситуации состоит в том, что хотя *численность трудоспособного населения* (все лица в возрасте 16–54/59 лет) уже начала достаточно быстро сокращаться, экономика этого реально еще не почувствовала, поскольку *численность экономически активного населения* (занятые плюс безработные в возрасте 15–72 года) продолжает оставаться на чрезвычайно высоком по историческим меркам уровне. Связано это с особенностями механизма смены поколений на рынке труда.

Так, численность экономически активного населения (измеряет фактическую величину предложения труда) достигла максимума в 2011 г. (75,8 млн человек). И хотя в 2012 г. и 2013 г. она немного сократилась (на 100 тыс. и 150 тыс. человек соответственно), но продолжала тем не менее оставаться в зоне высоких значений. Как видно из рис. 1, с точки зрения предложения рабочей силы ситуация на российском рынке труда никогда не была такой благоприятной, как в период 2008–2013 гг.

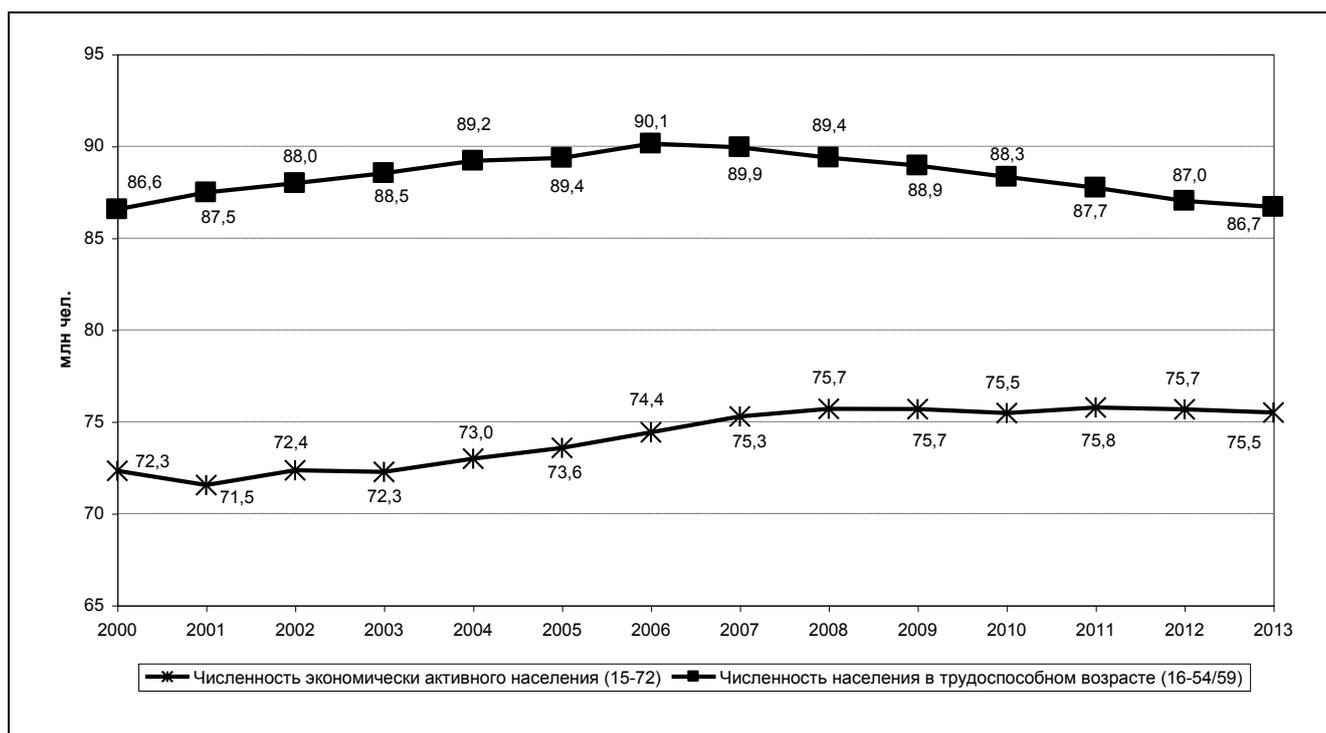


Рис. 1. Динамика численности экономически активного населения (15–72 года) и численности населения в трудоспособном возрасте (16–55/59 лет), ОНПЗ, годовые данные, 2000–2013 гг., млн чел.

Источник: здесь и далее Росстат.

Однако если мы смотрим на динамику численности населения в трудоспособном возрасте, то картина оказывается совсем иной. Своего пика этот показатель достиг в 2006 г. – 90,1 млн человек, а затем стал монотонно сокращаться (примерно на 0,5 млн человек ежегодно). В результате к 2013 г. кумулятивные потери в численности трудоспособного населения составили внушительную величину – 3,4 млн человек, или около 4% в относительном выражении². В ближайшие годы, как ожидается, эта убыль будет только нарастать, достигая 1–1,2 млн человек в год.

Отмеченное расхождение в трендах объясняется тем, что динамика экономически активного населения следует за динамикой трудоспособного населения с лагом (запаздыванием) в несколько лет. Когда пенсионного возраста достигают большие по численности когорты (превышающие по размеру молодые «входящие» когорты), трудоспособное население

² Наибольший вклад в это сокращение внесло уменьшение численности молодежных когорт – 15–19 лет (на 2 млн человек) и 20–24 года (на 0,9 млн человек). Суммарная убыль составила около 3 млн человек, что было обусловлено спадом рождаемости в конце 1980-х – начале 1990-х годов. Другим, практически столь же важным, источником сокращения стала убыль населения в возрасте 40–49 лет. За 2008–2012 гг. его численность уменьшилась на 2,5 млн человек, что было почти эквивалентно сжатию экономически активного населения в молодежных возрастах.

начинает уменьшаться. Но поскольку значительная часть таких «молодых» пенсионеров предпочитает оставаться на рынке труда, численность экономически активного населения какое-то время продолжает оставаться высокой. Однако когда через 5–6 лет сегодняшние «молодые» пенсионеры «постареют» и начнут массово уходить с рынка труда, это неизбежно повлечет за собой резкое падение показателей экономической активности и занятости. Тогда эффект от сократившегося предложения труда проявится в полной мере с серьезными негативными последствиями для экономического развития страны. Таким образом, относительно благополучная ситуация с предложением труда, наблюдавшаяся в последние годы, является временной и должна закончиться уже в ближайшее время. Это создаст шок предложения на рынке труда.

Представление о силе этого предстоящего шока дают оценки ожидаемой динамики численности экономически активного населения, рассчитанные нами на основе альтернативных вариантов демографического прогноза Росстата (рис. 2). Исходя из высокого варианта демографического прогноза к 2031 г. следует ожидать сокращения рабочей силы на 6,2 млн человек, исходя из среднего – на 7,5 млн человек, а исходя из низкого – на 9 млн человек. Столь низкая численность экономически активного населения наблюдалась на российском рынке труда лишь в 1998–1999 гг. Причем во все варианты демографического прогноза Росстата заложены весьма оптимистические (возможно, сверхоптимистические) представления о будущем миграционном притоке. Без его учета численность экономически активного населения может сократиться на 11,5 млн, опустившись до отметки 64 млн человек. Отсюда следует, что миграционный приток должен, как предполагается, компенсировать как минимум *треть* ожидаемых потерь от естественной убыли населения. С одной стороны, ожидания столь масштабной миграции представляются малореалистичными. С другой, эти оценки показывают, какое огромное значение для функционирования российского рынка труда будет в предстоящие годы иметь «импорт» рабочей силы из-за рубежа.

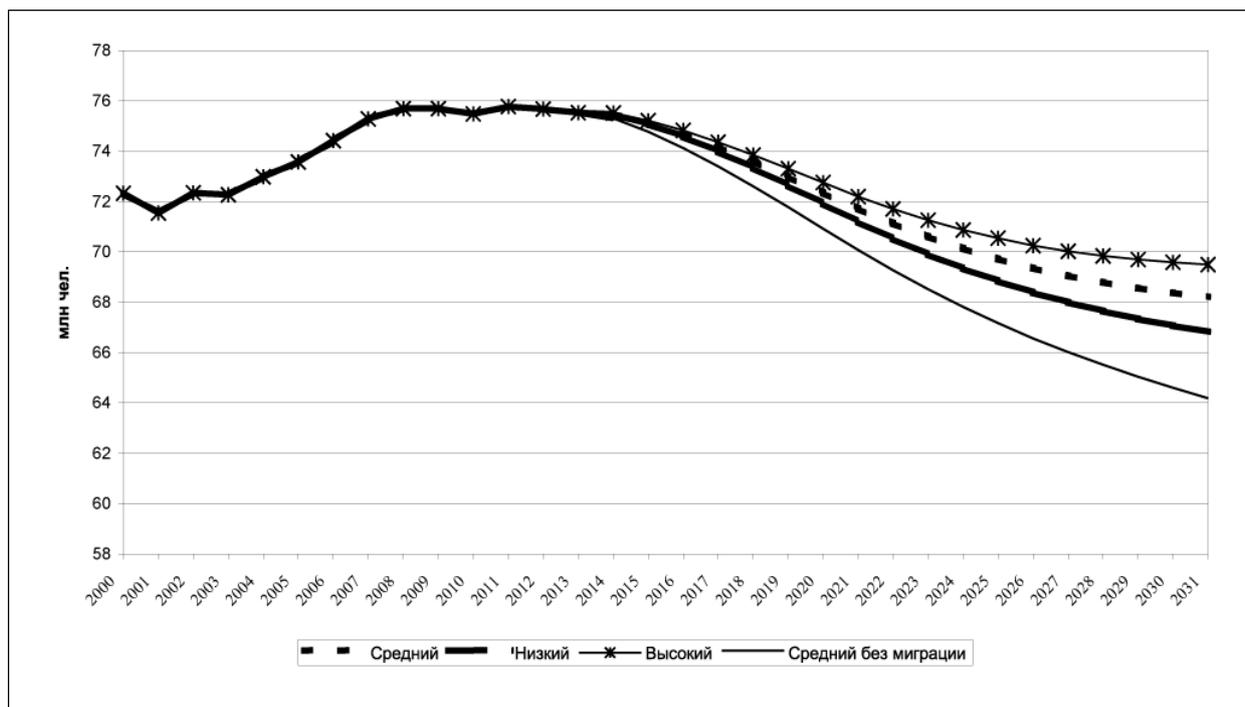


Рис. 2. Фактическая и ожидаемая динамика численности экономически активного населения по альтернативным вариантам демографического прогноза, 2000–2031 гг., млн чел.

В этом контексте возникает вопрос: есть ли какие-либо внутренние резервы, чтобы компенсировать убыль экономически активного населения, неизбежным следствием чего окажется резкое сокращение занятости? К сожалению, ответ на него однозначно отрицательный, поскольку российские показатели участия в рабочей силе и так уже находятся в зоне весьма высоких значений. Теоретически экономическую активность населения можно было бы повысить за счет ее стимулирования среди групп, где она относительно низка: это – молодежь, женщины трудоспособного возраста с детьми, лица пенсионного возраста.

Хотя экономическая активность российской молодежи поддерживается на достаточно невысокой отметке, связано это с тем, что сейчас подавляющее большинство молодых людей стремятся получать высшее образование (подробнее об этом см. ниже). Более того, следует ожидать, что с течением времени это стремление будет только усиливаться, так что экономическая активность молодежных групп, скорее всего, будет снижаться и дальше. Что касается российских женщин, то, по международным стандартам, они уже демонстрируют исключительно высокий уровень экономической активности (даже среди женщин в возрасте 20–49 лет с детьми до 18 лет он достигает 80%!)³. Как следствие, шансы на его дальнейшее повышение крайне невелики. То же можно сказать и о третьей группе – российских пенсионерах. Казалось бы, их экономическую активность можно было бы подстегнуть, повысив

³ Кроме того, стимулирование участия женщин в рабочей силе чревато сокращением и без того низкого уровня рождаемости.

официальный возраст выхода на пенсию, который, по международным меркам, остается, как известно, чрезвычайно низким. Однако, по нашим оценкам, даже его резкое повышение (например, до средних показателей стран – членов ОЭСР) могло бы дополнительно вывести на рынок труда не более 1 млн человек.

Так, у российских женщин в возрасте 55–59 лет уровень экономической активности отстает от среднего значения аналогичного показателя в странах ОЭСР на 8 п.п. Если бы повышение планки пенсионного возраста смогло ликвидировать этот разрыв, то это добавило бы примерно 460 тыс. человек. Аналогичное «подтягивание» уровня экономической активности в группе 60–64 года до среднего показателя по ОЭСР дало бы «прибавку» в 240 тыс. у мужчин (для которых потребовался бы прирост на 18 п.п.) и 160 тыс. у женщин (для которых потребовался бы прирост на 13 п.п.). Суммарная величина возможного приращения составила бы, таким образом, около 1 млн человек.

Получается, что мы не можем компенсировать предстоящее резкое падение предложения труда ни за счет активации молодежи, ни за счет дополнительного притока на рынок труда женщин, ни за счет повышения экономической активности пенсионеров⁴. Потенциально, как было показано, все это – «крохи», которые несопоставимы с масштабами ожидаемого сокращения, которое уже началось и которое со временем будет только набирать силу⁵. Внутренние резервы пополнения экономически активного населения в России уже исчерпаны либо близки к исчерпанию.

⁴ Помимо повышения экономической активности населения, еще одним источником пополнения занятости могло бы стать «втягивание» в нее безработных. Но, по международным меркам, безработица в России и так уже является весьма низкой, колеблясь в последние годы вокруг отметки 5,5% (эта тема будет подробно обсуждаться ниже). Для сравнения: в США уровень безработицы, соответствующий состоянию полной занятости, оценивается в 6,5%. Это означает, что больших надежд на «вытягивание» значительной массы людей из состояния безработицы в состояние занятости возлагать также не следует: по объективным причинам это практически нереализуемо.

⁵ Иногда можно также услышать утверждения, что компенсировать предстоящую убыль трудовых ресурсов можно было бы за счет превращения неформальной занятости (а она, согласно имеющимся оценкам, в России достаточно внушительная – порядка 20–25%) в формальную. Этот вопрос, однако, не имеет прямого отношения к теме экономической активности. Говорящие так не учитывают, что российской статистикой неформальные работники квалифицируются как *занятые*. Иными словами, оценки занятости и экономической активности, которые основываются на обследованиях Росстата, *включают* неформальных работников и строятся с их учетом. Поэтому перераспределение занятости из неформального сектора в формальный могло бы изменить ее *структуру*, но оно никак не сказалось бы на ее *общей величине*. (Пока, кстати, все происходит прямо обратным образом: формальных работников на российском рынке труда с каждым годом становится все меньше, тогда как неформальных – все больше.)

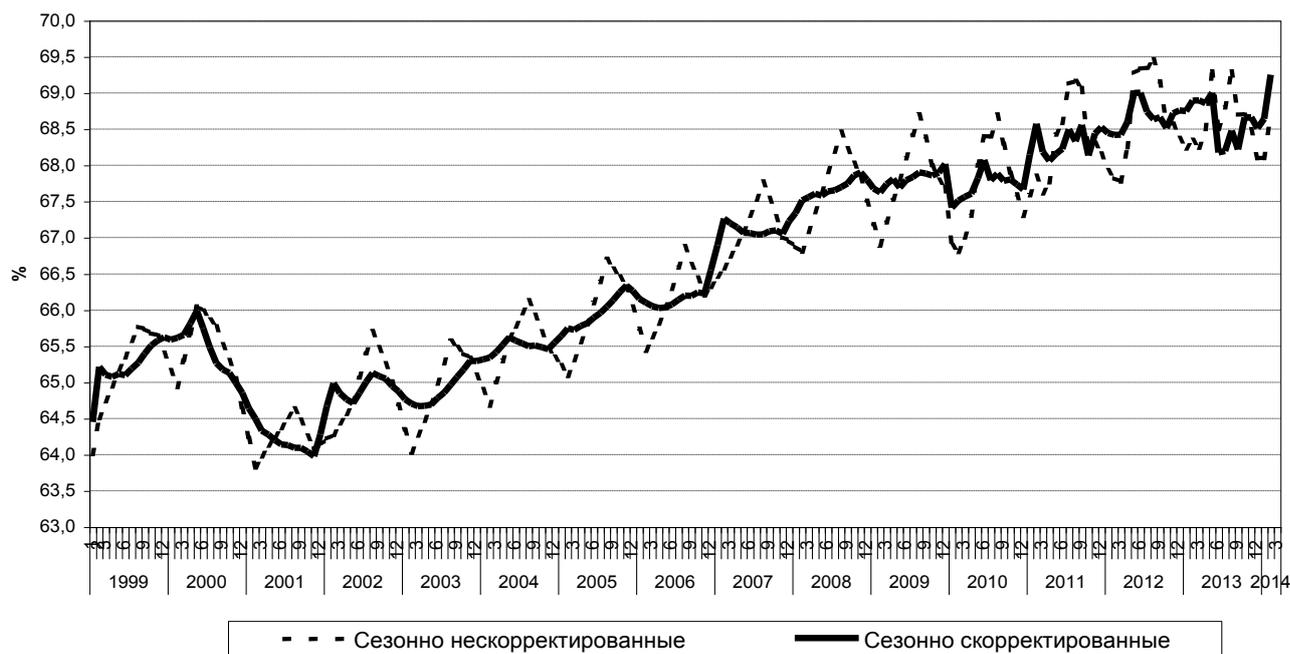


Рис. 3. Динамика уровня экономической активности, месячные фактические и сезонно скорректированные данные, 1999–2014 гг., %

Исчерпанность внутренних резервов для расширения предложения труда во многом связана с тем, что на протяжении большей части 2000-х годов уровень экономической активности российского населения непрерывно рос (рис. 3). Исторического максимума он достиг в 2012 г. – 68,7%. Его повышение было связано как с улучшением возрастной структуры предложения труда (увеличением доли лиц активных возрастов 25–50 лет, у которых экономическая активность является наивысшей), так и с быстрым экономическим ростом, который повышал шансы на трудоустройство и подталкивал многих экономически неактивных лиц к выходу на рынок труда. Все это позволило в значительной мере компенсировать негативное влияние на предложение труда сокращения численности населения в трудоспособном возрасте, о котором мы говорили выше.

Представление о вкладе в увеличение предложения труда демографических факторов дают данные табл. 1 и 2 (за точку отсчета в них взят «переходный» от бума к кризису 2008 г.). За период 2008–2013 гг. доля в общей численности населения младших возрастов (15–24 года) заметно снизилась – на 3 п.п., старших (60–72 года) изменилась мало – прирост на 0,8 п.п., а наиболее активных (25–59 лет), образующих ядро рабочей силы, увеличилась на 2,2 п.п. В целом налицо достаточно сильный структурный сдвиг от экономически менее активных к экономически более активным группам рабочей силы. При этом наиболее интересные изменения произошли в верхней части возрастной шкалы среди населения 60 лет и старше: если в 2008 г. на долю «молодых» пенсионеров (60–64 года), среди которых эконо-

мическая активность поддерживается на значительно более высоком уровне, чем среди «старых» (65–72 года), приходилось менее трети от общей численности этой возрастной группы, то в 2012–2013 гг. – уже более половины. Этот сдвиг стал одним из важнейших факторов, позволившим компенсировать убыль трудоспособного населения вследствие резкого сжатия молодежных когорт, а также когорт в возрасте 40–49 лет (см. выше, сноска 1).

Как показывает табл. 2, в 2008–2013 гг. экономическая активность росла практически во всех немолодежно-непенсионных группах. Наиболее сильный прирост отмечался среди лиц предпенсионного и раннего пенсионного (для женщин) возрастов – 50–54 и 55–59 лет. То, что у них он был выражен сильнее, не должно удивлять, поскольку исходно они отличались значительно более низкими уровнями экономической активности, чем менее пожилые группы: одно дело наращивать экономическую активность с исходной планки 85–90% и совсем другое – с исходной планки 65–80%. Ясно, что в последнем случае простор для реагирования шире.

Таблица 1. Структура населения 15–72 года по пятилетним возрастным группам, 2008–2013 гг., %

Группы по возрасту	2008	2009	2010	2011	2012	2013	Разность 2008–2013 гг., п.п.
От 15 до 19 лет	9,3	8,6	8,0	7,4	6,9	6,9	–2,4
От 20 до 24 лет	11,1	11,1	11,0	10,9	10,5	10,5	–0,6
От 25 до 29 лет	10,1	10,4	10,7	10,8	11,2	11,2	1,1
От 30 до 34 лет	9,4	9,6	9,7	9,9	10,1	10,1	0,7
От 35 до 39 лет	8,6	8,8	9,1	9,2	9,4	9,4	0,8
От 40 до 44 лет	8,7	8,4	8,3	8,3	8,5	8,5	–0,3
От 45 до 49 лет	10,6	10,4	10,0	9,5	9,1	9,1	–1,5
От 50 до 54 лет	9,8	10,1	10,1	10,4	10,5	10,5	0,7
От 55 до 59 лет	8,5	8,7	8,9	9,1	9,3	9,3	0,8
От 60 до 64 лет	4,2	4,9	5,4	6,4	7,6	7,6	3,4
От 65 до 72 лет	9,5	9,0	8,8	8,0	6,9	6,9	–2,6
Всего	100	100	100	100	100	100	–

Таблица 2. Динамика уровней экономической активности по пятилетним возрастным группам, 2008–2013 гг., %*

Группы по возрасту	2008	2009	2010	2011	2012	2013	Разность 2008–2013 гг., п.п.
От 15 до 19 лет	14,9	13,4	11,6	10,6	9,3	9,0	–5,9
От 20 до 24 лет	64,5	64,4	62,5	62,1	59,4	60,1	–4,4
От 25 до 29 лет	86,8	86,8	87,1	87,6	88,1	87,3	0,5
От 30 до 34 лет	89,4	88,8	89,3	89,5	89,8	89,2	–0,2
От 35 до 39 лет	91,5	91,3	91,5	91,4	91,8	91,5	0
От 40 до 44 лет	91,8	91,9	92,2	92,4	92,7	92,4	0,6
От 45 до 49 лет	90,6	90,7	90,8	91,2	91,5	91,5	0,9
От 50 до 54 лет	84,5	84,4	85,1	85,4	86,3	85,6	1,1
От 55 до 59 лет	62,4	62,1	61,8	62,7	63,7	63,9	1,5
От 60 до 64 лет	33,7	32,9	31,6	31,3	30,5	21,6	–3,2
От 65 до 72 лет	11,2	11,5	10,2	10,8	10,8		–0,4
Всего	67,4	67,6	67,7	68,3	68,7	68,5	1,1

* При более точном определении границ предпенсионного и пенсионного возрастов прироста уровня экономической активности составят: для «предпенсионеров» (мужчины 50–59/женщины 50–54) – +1,7 п.п., для «молодых» пенсионеров (мужчины 60–64/женщины 55–64) – –3,5 п.п.

Одной из главных причин повышения экономической активности среди лиц зрелого возраста стало, по-видимому, заметное улучшение их образовательных характеристик. В табл. 3 приведены данные о распределении пятилетних возрастных когорт по группам с третичным (высшим), вторичным (средним профессиональным, начальным профессиональным или полным средним) и первичным (общим средним и ниже) образованием в 2008 и 2012 гг. Из нее видно, что в посткризисный период доля лиц с вузовскими дипломами заметно повысилась во всех немолодежно-непенсионных группах (в ряде случаев – на 6–8 п.п.). Но, как известно, чем выше образование, тем сильнее склонность к участию в рабочей силе⁶. Как следствие, положительные сдвиги в образовательной структуре экономически активного населения – от менее образованных работников к более образованным – должны были вызвать повышение уровней экономической активности в соответствующих возрастных группах.

Таблица 3. Структура экономически активного населения по возрасту и образованию, 2008 и 2012 гг., %

Группы по возрасту	2008 г.			2012 г.			Разность 2008-2012 гг., п.п.		
	Третичное	Вторичное	Первичное	Третичное	Вторичное	Первичное	Третичное	Вторичное	Первичное
От 15 до 19 лет	0,0	77,4	22,6	0,0	72,0	28,0	0,0	-5,4	5,4
От 20 до 24 лет	20,6	73,5	5,9	24,3	71,0	4,7	3,7	-2,5	-1,3
От 25 до 29 лет	34,2	60,8	5,0	39,9	56,3	3,8	5,7	-4,4	-1,3
От 30 до 34 лет	29,0	65,6	5,4	37,0	58,7	4,3	7,9	-6,9	-1,0
От 35 до 39 лет	27,8	68,4	3,9	32,5	63,2	4,3	4,7	-5,2	0,5
От 40 до 44 лет	26,4	70,1	3,5	30,5	66,4	3,2	4,1	-3,7	-0,4
От 45 до 49 лет	24,9	71,5	3,6	28,4	68,9	2,7	3,5	-2,6	-0,9
От 50 до 54 лет	23,6	71,3	5,1	26,2	70,7	3,1	2,6	-0,6	-2,0
От 55 до 59 лет	24,6	68,0	7,4	26,3	69,4	4,2	1,7	1,5	-3,2
От 60 до 64 лет	31,1	60,0	9,0	29,6	64,5	5,9	-1,5	4,6	-3,1
От 65 до 72 лет	27,0	50,7	22,3	32,9	55,3	11,9	5,8	4,6	-10,4
Всего	26,1	68,3	5,6	30,9	65,0	4,1	4,8	-3,4	-1,5

В то же время участие в рабочей силе среди пенсионеров в посткризисный период не только не выросло, но, напротив, снизилось, причем достаточно сильно: в группе 60–64 года на 3,2 п.п., а в группе 65 лет и старше на 0,4 п.п. (табл. 2). Иными словами, российские пенсионеры стали менее охотно, чем раньше, выходить на рынок труда в поисках оплачиваемой деятельности. Не исключено, что это могло быть связано с ускоренным ростом относительного размера пенсий.

⁶ Скажем, в 2012 г. уровень экономической активности среди лиц с высшим образованием составлял 85%, средним и начальным профессиональным – 78%, полным средним – 55%, основным общим и ниже – лишь 30%.

Еще сильнее сократилось участие в рабочей силе среди молодежи (группы 15–19 лет и 20–24 года). У этого сокращения есть простое и очевидное объяснение: оно стало зеркальным отражением возросшей образовательной активности молодежных групп. В табл. 4 приведены оценки изменений в уровнях экономической активности и в коэффициентах охвата обучением (в дневных учебных заведениях) для пятилетних возрастных групп по данным ОНПЗ. Мы видим, что у молодых людей уровни экономической активности за период 2008–2012 гг. снизились на 5–6 п.п., но это падение было более чем перекрыто еще более сильным приростом их образовательной активности – на 7–8 п.п., что было в первую очередь связано с экспансией высшего образования. И поскольку получение высшего образования стало уже в России социальной нормой, практически невероятно, чтобы в будущем молодежь стала отказываться от вузовских дипломов ради более раннего выхода на рынок труда.

Таблица 4. Изменения в уровнях экономической и образовательной активности российского населения по пятилетним возрастным группам, 2008–2012 гг., %

Группы по возрасту	Прирост уровня экономической активности, п.п.	Прирост коэффициента охвата обучением (в дневных учебных заведениях), п.п.
От 15 до 19 лет	-5,6	+7,36
От 20 до 24 лет	-5,1	+7,57
От 25 до 29 лет	+1,3	+0,02
От 30 до 34 лет	+0,4	+0,01
От 35 до 39 лет	+0,3	+0,04
От 40 до 44 лет	+0,9	+0,05
От 45 до 49 лет	+0,9	+0,01
От 50 до 54 лет	+1,8	+0,01
От 55 до 59 лет	+1,3	0,00
От 60 до 64 лет	-3,2	0,00
От 65 до 72 лет	-0,4	0,00
Всего	+1,3	-1,00

Если же говорить о влиянии на предложение труда собственно экономических факторов, то здесь стоит отметить, что если на кризис 2008–2009 гг. показатели участия в рабочей силе никак не отреагировали, оставаясь на уровнях, близких к историческому максимуму, то затухание экономического роста в 2012–2013 гг. сопровождалось их «проседанием» примерно на 0,3 п.п. (если судить по сезонно скорректированным оценкам) (рис. 3). Возможно, это свидетельствует об определенных изменениях в режиме функционирования российского рынка труда, поскольку в предыдущие периоды его реакция на негативные шоки шла только по линии увеличения безработицы, не затрагивая показателей экономической активности. Причиной подобного изменения могло стать уже упоминавшееся значительное увеличение в структуре рабочей силы доли лиц пенсионного возраста, слабее связанных с рынком труда и потому свободнее перемещающихся между состояниями занятости и экономической неактивности.

В начале 2014 г. экономическая активность вновь пошла вверх, пробив отметку 68,5%, но насколько устойчивым будет это повышение, сказать пока трудно. Скорее всего, это лишь временное улучшение и по мере нарастания кризисных явлений в экономике уровень экономической активности опустится до более низких значений.

2. Занятость: остановка роста

Если численность экономически активного населения характеризует совокупное предложение труда, то численность занятых – совокупный спрос на труд⁷. В российской статистике существует два основных источника данных об общей численности занятых.

Во-первых, это выборочные Обследования населения по проблемам занятости (ОНПЗ), которые проводятся Росстатом начиная с 1992 г. Во-вторых, это оценки по методологии баланса трудовых ресурсов (БТР), которые представляют собой свод данных из нескольких различных источников (ОНПЗ, отчетности предприятий, данных ФМС и т.д.).

У каждого из этих источников есть свои сравнительные преимущества и недостатки. Важно учитывать, что они охватывают не во всем совпадающие сегменты рынка труда (например, ОНПЗ отражают численность всей, тогда как БТР только гражданской рабочей силы; ОНПЗ не учитывают временных трудовых мигрантов, тогда как БТР их учитывают; и т.д.). В результате между показателями, строящимися на их основе, могут наблюдаться достаточно серьезные количественные расхождения. Альтернативные оценки изменения численности занятых в российской экономике в период 2000–2013 гг. представлены на рис. 4.

⁷ Более точно совокупный спрос на труд характеризуется суммой количества занятых и количества незаполненных вакансий. Динамика по вакансиям рассматривается ниже в специальном разделе.

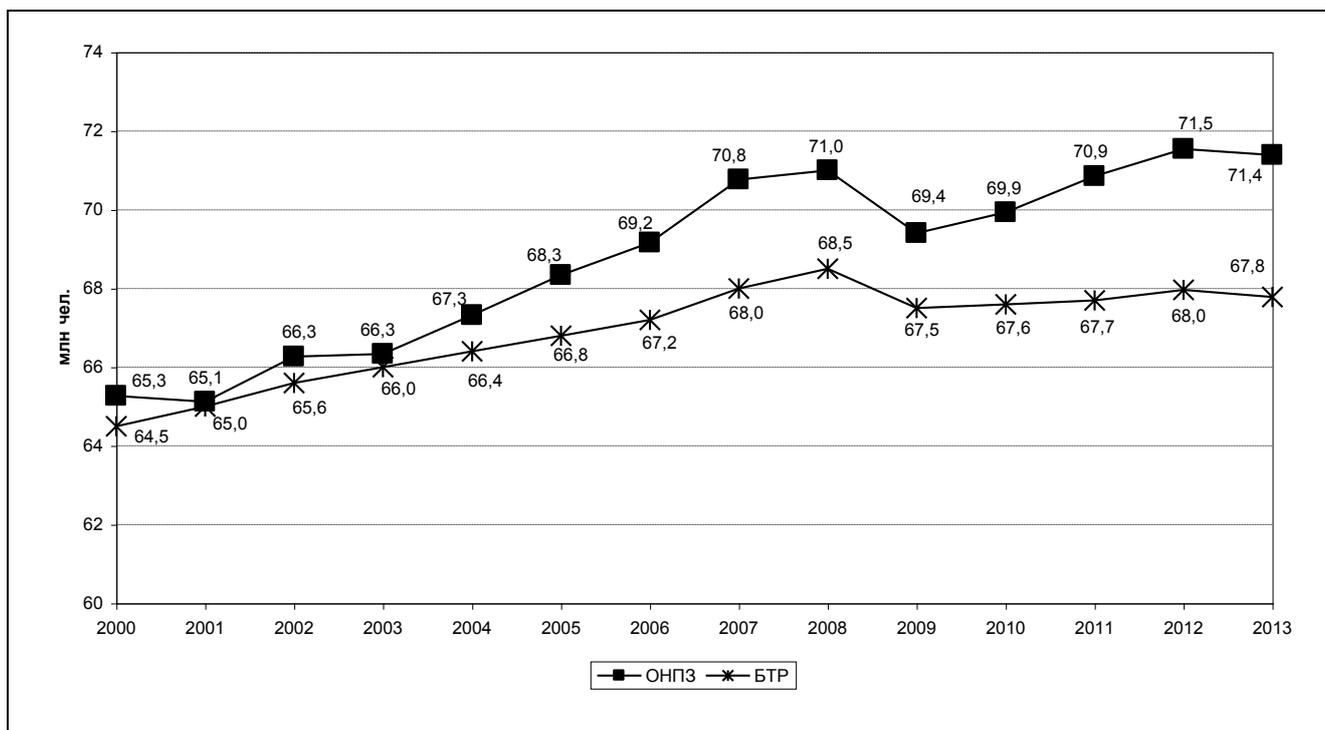


Рис 4. Динамика численности занятых по альтернативным источникам данных, среднегодовые показатели, 2000–2013 гг., млн человек

Согласно ОНПЗ, общее число занятых в 2000-е годы неуклонно росло и в 2008 г. достигло 71 млн человек. В 2009 г., вследствие кризиса, оно сократилось до 69,4 млн, т.е. примерно на 1,6 млн человек. Это означает, что при падении ВВП почти на 8% занятость уменьшилась на 2,2% и, следовательно, эластичность занятости по выпуску оказалась равна 0,28 (рис. 5). Это вполне сопоставимо с тем, что наблюдалось при гораздо более сильных падениях ВВП в 1990-е годы. В 2011 г. численность занятых, как и ВВП, фактически вернулась на предкризисный уровень. Рост занятости продолжился и в 2012 г., когда она достигла рекордного уровня – 71,5 млн человек. Однако в 2013 г. на фоне замедления темпов экономического роста она начала снижаться (падение к концу этого года по сравнению с концом 2012 г. составило почти 0,5 млн человек).

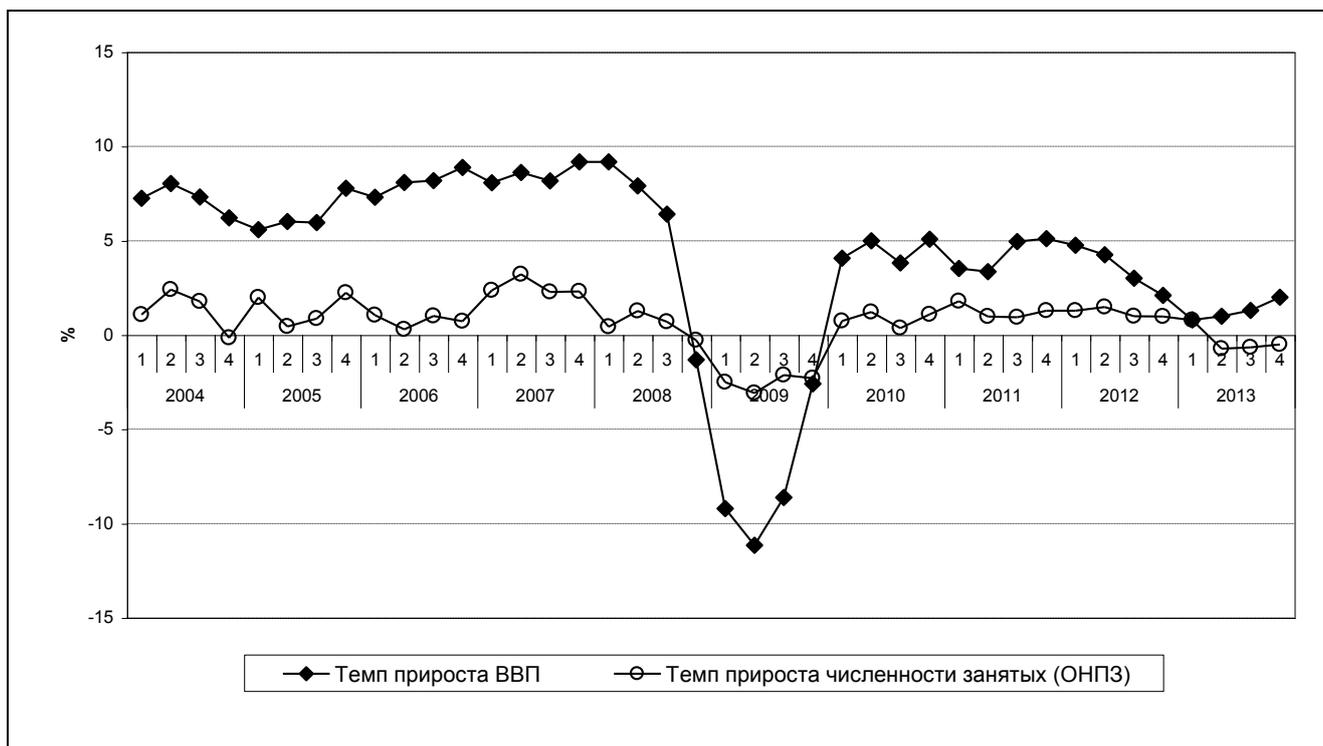


Рис. 5. Темпы прироста ВВП (в постоянных ценах 2008 г.) и общей численности занятых (по ОНПЗ), в % к тому же кварталу предыдущего года, 2004–2013 гг.

Общая численность занятых, рассчитываемая на основе БТР, также росла в 2000-е годы и также сократилась в 2009 г. вследствие кризиса (рис. 4). Однако в этом случае кризисное сокращение составило 1,5%, так что эластичность занятости по выпуску оказывается еще ниже – примерно 0,19. После кризиса общая занятость по БТР также росла, однако более низкими темпами, чем по ОНПЗ. Причем, согласно этим оценкам, полного восстановления до предкризисных значений так и не произошло (на максимальном уровне – 68,5 млн человек – занятость по БТР находилась в 2008 г.). В 2013 г. занятость по БТР также пошла вниз.

В целом, как показывает рис. 4, оценки по БТР несколько сглаживают колебания в общей занятости по сравнению с оценками по ОНПЗ. Интересно также отметить, что со временем разрыв между ними постепенно увеличивался. Тем не менее, по большому счету, общая динамика, которая вырисовывается из этих оценок, оказывается сходной. Так, в докризисный период оба показателя практически монотонно росли, причем почти одинаковыми среднегодовыми темпами – примерно на 1% по ОНПЗ и примерно на 0,75% по БТР. После кризисного провала в 2009 г. они вновь синхронно пошли вверх, но если занятость по ОНПЗ росла практически так же быстро, как и раньше (прирост примерно на 1% в год), то занятость по БТР стала повышаться намного медленнее (прирост примерно на 0,25% в год). Наконец, для 2013 г. оба показателя фиксируют полную остановку роста общей занятости, что может иметь далекоидущие последствия для будущего российской экономики. Действительно, исходя из представленных оценок мы можем сделать вывод, что если в 2000-е годы рас-

ширение занятости добавляло примерно 0,5 п.п. к ежегодному темпу прироста ВВП, то к настоящему времени вклад этого фактора в экономический рост стал нулевым.

Что можно сказать об ожидаемой динамике российской занятости в долгосрочной и краткосрочной перспективе?

Начнем с того, что рост занятости в докризисный и посткризисный периоды протекал в принципиально разных условиях: в первом случае – на фоне растущей, во втором – на фоне стагнирующей численности экономически активного населения. Это означает, что в докризисный период он мог происходить как за счет прироста численности экономически активного населения, так и за счет перетока рабочей силы из безработицы в занятость, тогда как в посткризисный – только за счет второго из этих двух механизмов. Однако по мере снижения безработицы возможности для дальнейшего действия «перераспределительного» механизма сужались и к 2013 г., как показывают данные как ОНПЗ, так и БТР, оказались практически исчерпанными. Это предполагает, что в долгосрочной перспективе российской экономике предстоит функционировать в принципиально новых условиях с неизменной или даже падающей занятостью. Говоря иначе, если до последнего времени динамика занятости вносила положительный вклад в рост ВВП, то в 2013 г. он уже упал до нуля, а в будущем, как можно ожидать, вообще станет отрицательным.

Наши оценки ожидаемой динамики занятости, построенные на основе альтернативных вариантов демографического прогноза Росстата, подтверждают этот вывод (рис. 6). При реализации высокого варианта демографического прогноза численность занятых сократится к 2031 г. по сравнению с исходным 2012 г. на 6 млн человек, среднего – на 7 млн человек, низкого – на 8 млн человек. Наконец, если предположить, что миграционный прирост населения будет нулевым, то в этом случае занятых станет меньше на 11 млн человек. Иными словами, за период 2012–2031 гг. занятость может снизиться на 8–15%, так что кумулятивный отрицательный вклад ее падения в прирост ВВП может составить порядка 5–8 п.п.

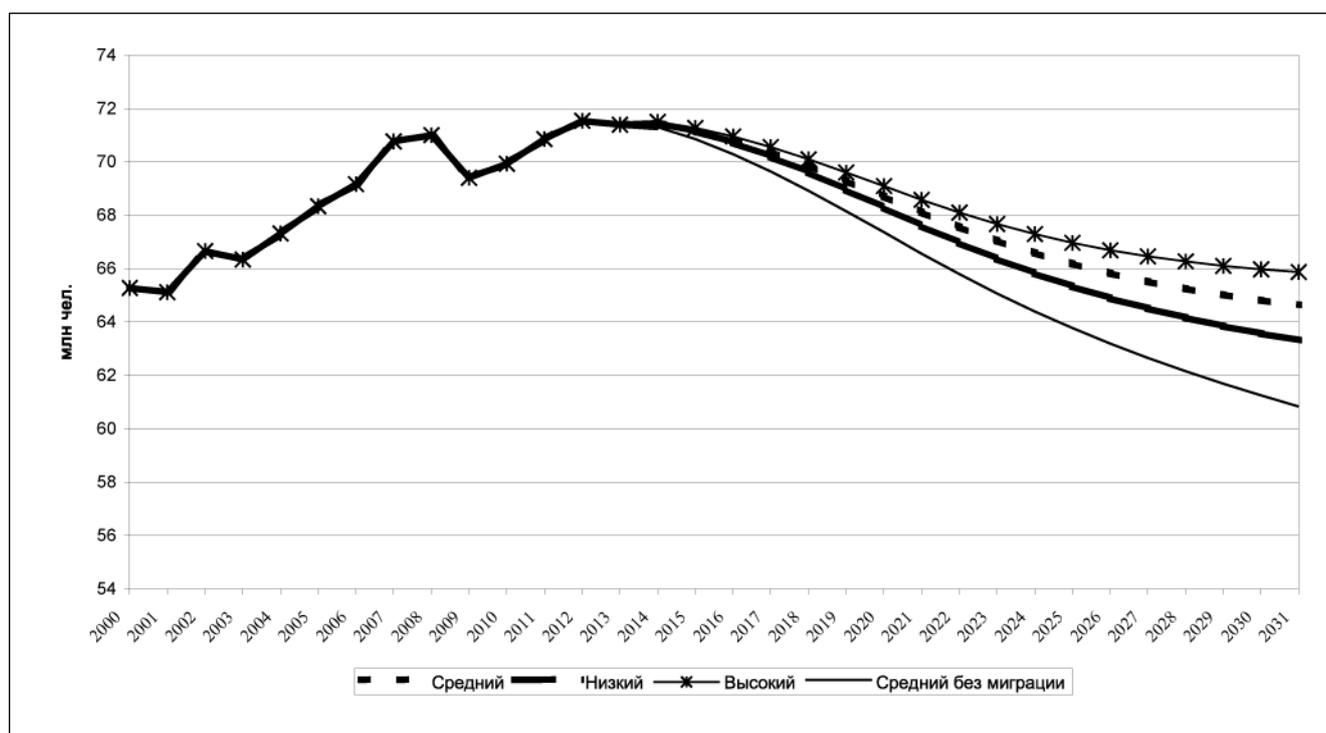


Рис. 6. Фактическая и ожидаемая динамика численности занятого населения по альтернативным вариантам демографического прогноза, 2000–2031 гг., млн чел.

Если говорить о краткосрочных перспективах, то, как показывают сезонно скорректированные оценки (по данным ОНПЗ), представленные на рис. 7 и 8, если в начале 2013 г. численность занятых еще продолжала слабо повышаться, то затем, где-то с середины года, началось ее снижение. К концу этого года сокращение по сравнению с концом предыдущего года составило порядка 0,6 млн человек. В относительном выражении это эквивалентно снижению уровня занятости на 0,6 п.п. Снижение могло произойти под действием как демографических факторов, так и ухудшившейся экономической обстановки. Скорее всего, свой вклад внесли и то, и другое. Как показывают наши оценки, наблюдавшееся в 2013 г. сокращение численности занятых примерно наполовину было обусловлено снижением экономической активности и примерно наполовину – нарастанием безработицы. В любом случае можно говорить о том, что российская экономика уже вступила на путь убывающей занятости. Небольшое повышение возможно при заметном улучшении ситуации в экономике, но оно практически наверняка окажется временным и быстропроходящим.



Рис. 7. Динамика общей численности занятых, месячные фактические и сезонно скорректированные данные, ОНПЗ, 2000–2014 гг., млн чел.



Рис. 8. Динамика уровня занятости, месячные фактические и сезонно скорректированные данные, ОНПЗ, 2000–2014 гг., %

Замедление, а затем и обнуление темпов роста занятости спровоцировало весьма серьезные изменения в ее структуре. Данные о возрастной структуре занятого населения по-

казывают, что после 2008 г. российская занятость, во-первых, стала менее «молодежной», а, во-вторых, в ее составе уменьшилось присутствие «старшей» пенсионной группы (65 лет и старше) (табл. 5). В то же время доля «молодых» пенсионеров (60–64 года) увеличилась. Все эти сдвиги способствовали поддержанию общей численности занятых на более высокой отметке: если бы возрастная структура занятого населения оставалась такой же, какой она была в докризисный период, то на российском рынке труда сейчас наблюдалась бы не относительная стабильность занятости, а ее быстрое снижение.

Таблица 5. Структура занятого населения 15–72 года по пятилетним возрастным группам, 2008–2013 гг., %

Группы по возрасту	2008	2009	2010	2011	2012	2013	Разность 2008–2013 гг., п.п.
От 15 до 19 лет	1,6	1,3	1,0	0,9	0,7	0,7	–0,9
От 20 до 24 лет	10,0	9,6	9,4	9,2	8,3	8,5	–1,5
От 25 до 29 лет	13,0	13,3	13,6	13,8	14,3	14,2	1,2
От 30 до 34 лет	12,6	12,7	12,9	13,1	13,3	13,2	0,6
От 35 до 39 лет	11,9	12,1	12,5	12,5	12,7	12,7	0,8
От 40 до 44 лет	12,0	11,7	11,5	11,5	11,6	11,6	–0,4
От 45 до 49 лет	14,5	14,2	13,7	12,9	12,3	12,3	–2,2
От 50 до 54 лет	12,5	12,8	13,0	13,1	13,4	13,3	0,8
От 55 до 59 лет	8,0	8,2	8,3	8,5	8,8	8,8	0,8
От 60 до 64 лет	2,2	2,5	2,7	3,1	3,5	3,6	1,4
От 65 до 72 лет	1,7	1,6	1,5	1,4	1,1	1,1	–0,6
Всего	100	100	100	100	100	100	–

Что касается уровней занятости, то они, как и уровни экономической активности, возросли во всех немолодежно-непенсионных возрастах, но сильно «просели» у молодежи и у лиц пожилого возраста (табл. 6). За этим могли стоять как сдвиги в предпочтениях молодых людей и пенсионеров (отказ от оплачиваемой занятости в пользу иных форм активности), так и возросшие трудности при поиске работы (проигрыш в конкуренции за рабочие места ставшим более многочисленными группам среднего возраста).

Таблица 6. Динамика уровней занятости по пятилетним возрастным группам, 2008–2013 гг., %*

Группы по возрасту	2008	2009	2010	2011	2012	2013	Разность 2008–2013 гг., п.п.
От 15 до 19 лет	11,0	9,3	7,9	7,3	6,7	6,7	–4,3
От 20 до 24 лет	57,0	53,8	53,2	53,8	51,5	52,5	–4,5
От 25 до 29 лет	81,2	79,0	80,1	81,4	82,8	82,1	0,9
От 30 до 34 лет	84,6	82,3	83,4	84,1	85,5	84,8	0,2
От 35 до 39 лет	86,8	85,0	86,2	86,7	87,7	87,5	0,7
От 40 до 44 лет	87,2	86,1	87,1	87,9	89,2	88,6	1,4
От 45 до 49 лет	86,4	84,8	85,6	86,6	87,8	87,7	1,3
От 50 до 54 лет	80,4	79,0	80,2	80,9	82,7	81,9	1,5
От 55 до 59 лет	59,8	58,4	58,6	59,8	61,5	61,5	1,7
От 60 до 64 лет	33,3	31,6	31,8	31,7	29,7	20,9	–3,7
От 65 до 72 лет	11,1	11,1	10,4	11,1	10,4		–0,7
Всего	63,2	62	62,7	63,9	64,9	64,8	1,7

3. Безработица: дрейф «естественной» нормы?

Уровень безработицы характеризует, в какой мере экономика недоиспользует трудовые ресурсы. Он также показывает, насколько предложение труда превышает спрос на труд⁸.

В российской практике используются два показателя – общей безработицы, которая рассчитывается в соответствии с критериями Международной организации труда (МОТ), и регистрируемой безработицы, которая включает лиц, официально зарегистрированных в качестве безработных в службах занятости.

На рис. 9 представлена динамика общей и регистрируемой безработицы за период с 2000 по 2013 г. Хорошо известной особенностью российского рынка труда является то, что общая безработица в несколько раз превосходит регистрируемую. Одной из основных причин этого является относительно низкий размер пособий по безработице, выплачиваемых при постановке на учет в службах занятости, а также низкая эффективность помощи в поиске работы. И поскольку количество зарегистрированных в службах занятости безработных зависит не только от объективной ситуации на рынке труда, но также от объема выделенного финансирования и применяемых административных процедур, общая безработица оказывается гораздо более надежным индикатором состояния рынка труда, чем регистрируемая.

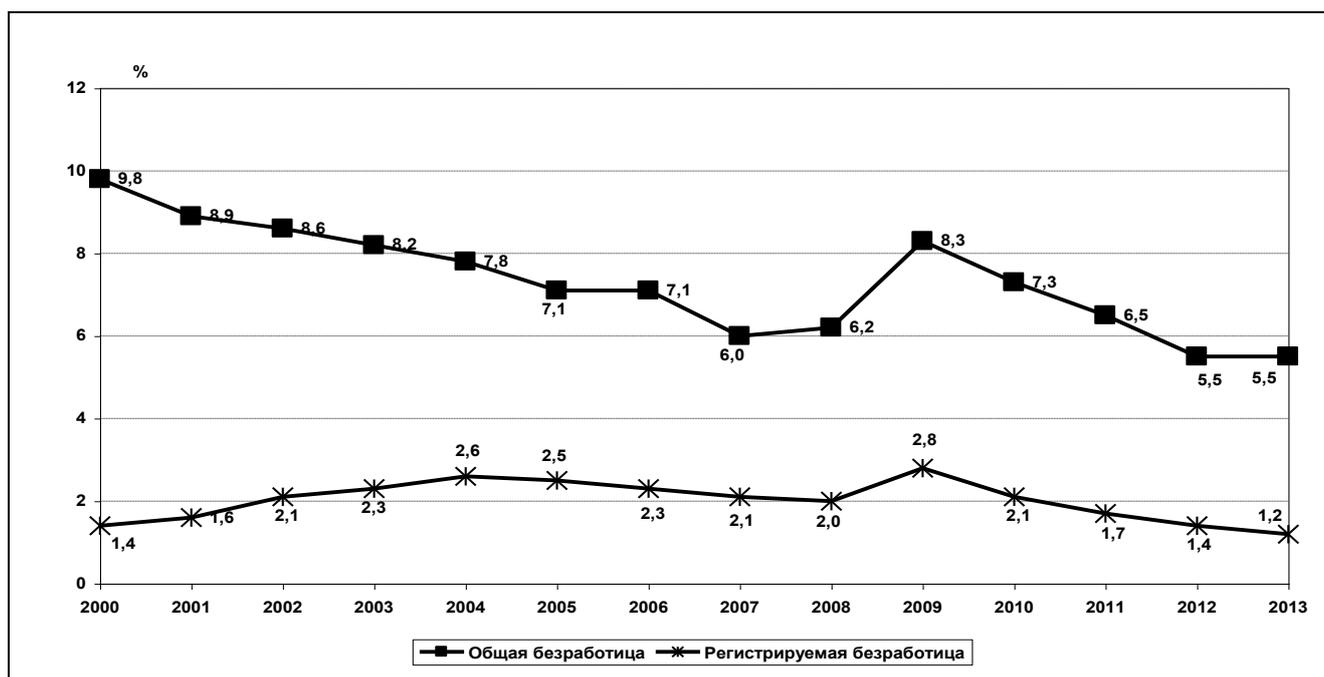


Рис. 9. Динамика общей и регистрируемой безработицы, среднегодовые уровни, 2000–2013 гг., %

⁸ Чаще всего *повышение* уровня безработицы вызывается сокращением спроса на труд и поэтому обычно воспринимается как *негативный* сигнал. Однако он может быть также следствием увеличения предложения труда (например, за счет выхода на рынок труда из состояния экономической неактивности дополнительных граждан), что само по себе не является негативным явлением. С другой стороны, *снижение* уровня безработицы может не быть *позитивным сигналом*, если оно связано с уходом «отчаявшихся» безработных с рынка труда.

Рисунок 9 показывает, что в докризисный период под влиянием быстрого экономического роста уровень общей безработицы практически монотонно снижался. Минимума он достиг в середине 2008 г., опустившись до отметки 5,4%. В условиях кризиса общая безработица выросла на 2 п.п., но затем вновь пошла быстро вниз. В 2012 г. она достигла рекордно низкого среднегодового значения – 5,5%, причем в отдельные месяцы опускалась до еще более низких уровней (в августе – сентябре этого года она составила фантастическую по меркам российского рынка труда величину – 5,0%!). На том же среднегодовом уровне безработица продолжала оставаться и в 2013 г.

Поведение безработицы в посткризисный период выглядит труднообъяснимым: каким образом ей удавалось удерживаться на той же (или даже более низкой) отметке, на которой она находилась на пике экономического бума в середине 2008 г.? Следует ли рассматривать это как свидетельство перегрева российской экономики, как полагали эксперты Всемирного банка? Но в условиях непрерывно затухающих темпов экономического роста, казалось бы, куда больше оснований говорить об угрозе кризиса, чем об угрозе перегрева. Однако если экономика находится в состоянии полустагнации, то откуда же тогда берется рекордно низкая безработица? Более того, почему не видно явных признаков ее реакции на ухудшение дел в экономике? Почему затухание темпов роста не привело к ее резкому скачку? И каковы причины этого видимого «благополучия» на рынке труда? Ответы на все эти вопросы далеко не очевидны.

Как показывает наш анализ, главной причиной достижения рекордно низких показателей безработицы в 2011–2013 гг. стал дрейф ее «естественной» нормы⁹. Произошло это в результате уже упоминавшихся позитивных сдвигов в структуре российской рабочей силы – удельный вес групп с высоким риском безработицы (молодежи, малообразованных и т.д.) заметно снизился, тогда как удельный вес групп с низким риском безработицы (зрелого возраста, с высоким образованием и т.д.) заметно возрос.

На наш взгляд, примерным аналогом состояния «полной занятости» для России можно было бы считать «усредненную» ситуацию, возникшую на рынке труда в 2008 г., когда явный перегрев экономики в первой половине этого года был компенсирован начавшимся кризисом во второй его половине. Приняв это предположение, мы можем оценить, насколько выше была бы сейчас безработица при отсутствии положительных сдвигов в половозрастной

⁹ Естественная норма безработицы – это ее гипотетический уровень, соответствующий состоянию полной занятости, при котором безработица вызывается исключительно неполнотой информации о возможностях трудоустройства, издержками смены места работы и другими несовершенствами рынка труда, и напрямую не связана с колебаниями спроса на труд.

и образовательной структуре рабочей силы. Из наших расчетов следует, что за период 2008–2012 гг. величина «дрейфа» составила порядка 0,7 п.п.¹⁰ Иными словами, если бы распределение экономически активного населения по полу, возрасту, образованию и т.д. оставалось точно таким же, каким оно было в 2008 г., то в этом случае уровень безработицы составил бы в 2012 г. не 5,5%, а 6,2%. По-видимому, это заниженная оценка, поскольку из-за отсутствия необходимых данных мы не имели возможности включить в расчет 2013 г. Скорее всего, за этот год дополнительный «дрейф» мог составить еще 0,1–0,2 п.п. (для сравнения: за предыдущий 2012 г. прибавка составила около 0,2 п.п.). Стоит также добавить, что в 2011 г. Росстат несколько видоизменил методику подсчета численности занятых и безработных (корректировка была произведена за счет лиц, выращивающих сельскохозяйственную продукцию в своих подсобных хозяйствах), что также могло привести к снижению оценок уровня безработицы на 0,1–0,2 п.п.

Таким образом, если бы социально-демографическая структура экономически активного населения продолжала оставаться в настоящее время такой же, как в 2008 г., а Росстат продолжал использовать при обработке данных ОНПЗ прежнюю методику, то текущий уровень безработицы был бы выше фактически наблюдаемого примерно на 1 п.п. и составлял бы сейчас не менее 6,5%. Эту цифру (1 п.п.) можно принять в качестве минимальной оценки уже произошедшего «дрейфа» естественной нормы безработицы. С его учетом текущая ситуация на российском рынке труда хотя и продолжает выглядеть, по историческим меркам, сравнительно благоприятной, но все же не «сверхблагополучной», какой она предстает на первый взгляд.

Существует альтернативное объяснение, связывающее низкую текущую безработицу с увеличением доли отчаявшихся работников: если многие безработные после длительных безуспешных поисков работы решают их прекратить и переходят в экономическую неактивность, то это также способно вести к снижению безработицы. (Примерно по такому сценарию после кризиса 2007–2009 гг. развивалась ситуация на рынке труда США.)

Однако это предположение явно не соответствует реальности. Как свидетельствует прошлый опыт, в российских условиях показатели безработицы и отчаявшихся работников практически всегда двигались параллельно, а не в противофазе. Данные последних лет это подтверждают. В табл. 7 относительные показатели для отчаявшихся работников приведены в двух вариантах – по отношению к численности экономически активного населения и по отношению к общей численности населения соответствующих возрастов. Для всех групп мы видим сходную динамику – почти монотонное, от года к году, сокращение доли отчаявшихся

¹⁰ Если брать за точку отсчета не 2008 г., а 2006 г., то в этом случае величина «дрейфа» возрастает еще сильнее – до 0,9 п.п.

работников. Так, в группе 15–19 лет она снизилась за 2008–2012 гг. с 6,1% до 2,9%, а в группе 20–24 года – с 1,3% до 0,7%. (Если использовать в знаменателе общую численность населения, то динамика будет выглядеть так: в первом случае – снижение с 1% до 0,3%, во втором – с 0,8% до 0,4%.) Хотя и не так резко, уровень отчаявшихся работников снизился и во всех других возрастных группах. Таким образом, никогда раньше в России уровень отчаявшихся работников не поддерживался на такой низкой отметке, как в 2012 г. (Данные за 2013 г. пока недоступны.)

Таблица 7. Динамика показателей отчаявшихся работников по пятилетним возрастным группам, 2008–2012 гг., %

Группы по возрасту	2008		2009		2010		2011		2012	
	Уровень-1*	Уровень-2**								
От 15 до 19 лет	6,1	1,0	3,6	0,5	3,0	0,4	3,9	0,4	2,9	0,3
От 20 до 24 лет	1,3	0,8	1,2	0,7	1,0	0,6	1,0	0,6	0,7	0,4
От 25 до 29 лет	0,8	0,7	0,7	0,6	0,6	0,5	0,6	0,6	0,4	0,4
От 30 до 34 лет	0,8	0,8	0,8	0,7	0,6	0,5	0,6	0,6	0,4	0,4
От 35 до 39 лет	0,8	0,7	0,8	0,7	0,6	0,5	0,7	0,6	0,5	0,5
От 40 до 44 лет	0,8	0,8	0,8	0,7	0,7	0,7	0,8	0,7	0,5	0,5
От 45 до 49 лет	1,0	0,9	1,1	1,0	0,8	0,8	0,8	0,8	0,7	0,6
От 50 до 54 лет	1,3	1,1	1,2	1,0	0,9	0,7	0,9	0,8	0,8	0,7
От 55 до 59 лет	1,6	1,0	1,5	1,0	1,1	0,7	1,3	0,8	1,1	0,7
От 60 до 64 лет	1,7	0,6	2,5	0,8	2,0	0,6	1,9	0,6	1,6	0,5
От 65 до 72 лет	2,1	0,2	3,0	0,3	2,5	0,3	2,5	0,3	1,8	0,2
Всего	1,2	0,8	1,1	0,7	0,8	0,6	0,9	0,6	0,7	0,5

* По отношению к численности экономически активного населения.

** По отношению к общей численности населения.

Не находит подтверждения и предположение об отсутствии какой бы то ни было реакции со стороны безработицы на затухание темпов экономического роста. Первые признаки такой реакции были отмечены в середине 2013 г., когда вместо обычного сезонного падения, типичного для летних месяцев, уровень общей безработицы продолжал оставаться неизменным, а затем начал постепенно сдвигаться вверх. В результате к концу 2013 г. он уже вырос до 5,6%, что было на 0,5 п.п. выше, чем в последнем месяце предыдущего года.

Более точную картину изменений в уровне общей безработицы можно получить с помощью сезонно скорректированных оценок (рис. 10). Из них следует, что исторического минимума безработица достигла в конце 2012 г.; затем в первой половине 2013 г. она немного выросла до 5,1–5,3%, а во второй увеличилась еще больше – до 5,5–5,7%. По меркам российского рынка труда, прирост на 0,5 п.п. является весьма и весьма ощутимым: напомним, что в кризисном 2009 г. при падении ВВП почти на 8 п.п. безработица увеличилась лишь на 2 п.п. (Сейчас же получается, что при замедлении темпов роста на 2–2,5 п.п. ее прирост составил 0,5 п.п.)

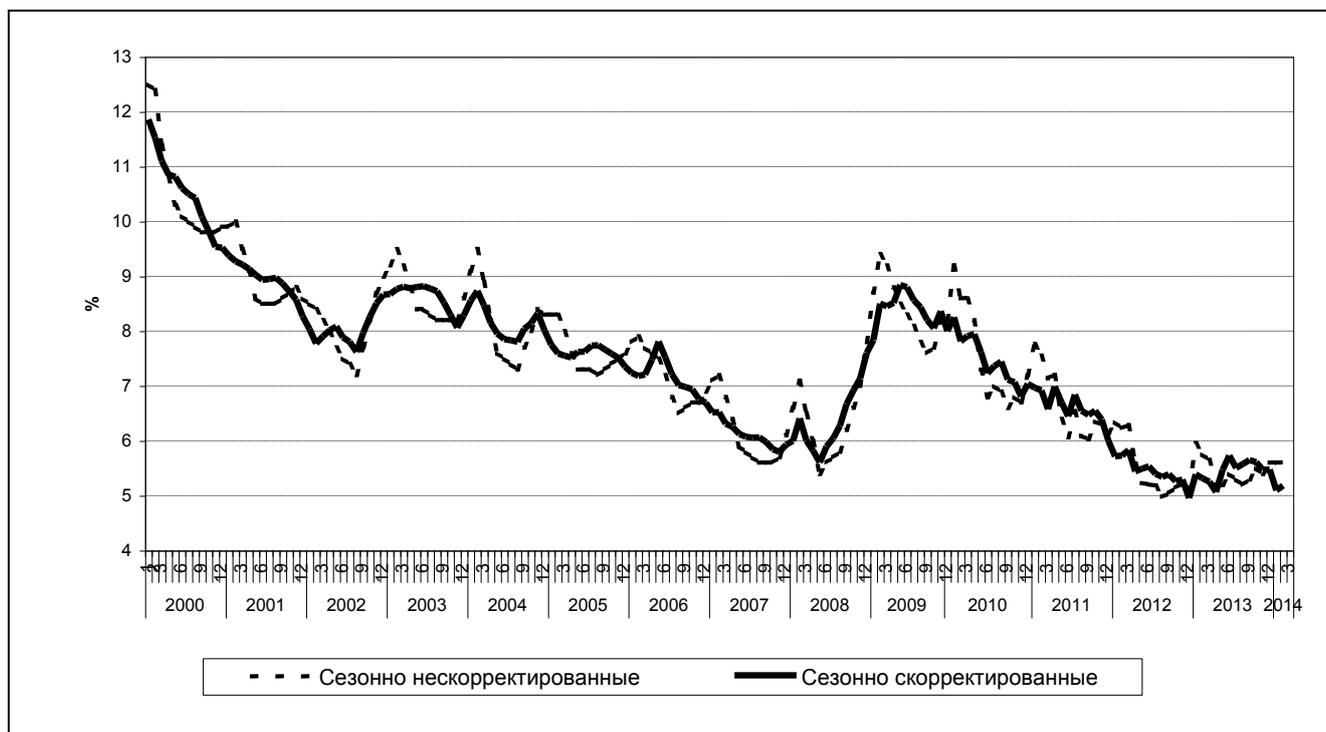


Рис. 10. Динамика уровня общей безработицы, месячные фактические и сезонно скорректированные данные, 2000–2014 гг., %

Действительно важное отличие состоит в том, что если на кризисные потрясения 2008–2009 гг. безработица отреагировала практически мгновенно, то ее реакция на нынешнее сползание экономики в состояние стагнации проявилась с определенным (примерно полугодовым) лагом. Таким образом, речь в данном случае идет не об отсутствии какой бы то ни было реакции со стороны показателей безработицы на негативные процессы в экономике, а об отложенном характере этой реакции. Такое запаздывание могло быть вызвано несколькими причинами. Во-первых, общей неопределенностью ситуации: предприятия могли надеяться, что ухудшение будет кратковременным, и поэтому не сразу приступали к пересмотру своей стратегии на рынке труда. Во-вторых, их реакция на падение производства и на замедление его роста может быть неодинаковой: если в первом случае от них могут требоваться немедленные действия, то во втором ставка может делаться на постепенную подстройку, растянутую во времени.

В любом случае мы вправе утверждать, что начиная с середины 2013 г. «загадочности» в поведении российской безработицы заметно поубавилось: пусть с определенным лагом во времени, но на ухудшение ситуации в экономике она в конце концов отреагировала предсказуемым образом, причем по меркам российского рынка труда достаточно активно.

Изменения в возрастной структуре безработицы (табл. 8) носили вполне ожидаемый характер. Наиболее сильный провал фиксируется для самой младшей группы «тинейджеров» (–3,3 п.п.). Помимо них в общем пуле безработных стало относительно меньше лиц

40-летнего возраста (–1,1/–1,6 п.п.), а также «старых» пенсионеров (–0,2 п.п.). «Представительство» всех остальных групп возросло. Все эти изменения были обусловлены действием демографических факторов.

Таблица 8. Структура безработных по пятилетним возрастным группам, 2008–2013 гг., %

Группы по возрасту	2008	2009	2010	2011	2012	2013	Разность 2008–2013 гг., п.п.
От 15 до 19 лет	8,6	6,4	5,9	5,4	4,8	4,3	–3,3
От 20 до 24 лет	20,1	20,9	20,8	20,5	22,3	21,3	1,2
От 25 до 29 лет	13,5	14,5	15,0	15,2	16,0	15,6	2,1
От 30 до 34 лет	10,7	11,1	11,7	12,0	11,7	11,9	1,2
От 35 до 39 лет	9,7	10,0	9,6	9,7	10,2	10,2	0,5
От 40 до 44 лет	9,6	8,7	8,5	8,3	7,9	8,5	–1,1
От 45 до 49 лет	10,7	10,9	10,5	9,7	9,1	9,1	–1,6
От 50 до 54 лет	9,6	9,8	10,1	10,6	10,1	10,5	0,9
От 55 до 59 лет	5,2	5,7	5,7	6,0	5,6	6,0	0,8
От 60 до 64 лет	1,4	1,2	1,5	1,9	1,7	2,0	0,6
От 65 до 72 лет	0,9	0,8	0,7	0,6	0,6	0,7	–0,2
Всего	100	100	100	100	100	100	–

Таблица 9 дает представление о динамике уровней безработицы по пятилетним возрастным интервалам. Как видим, в посткризисный период безработица упала во всех возрастных группах за исключением двух самых младших. За 2008–2012 гг. среди лиц 15–19 лет ее уровень увеличился на 2,3 п.п., а среди лиц 20–24 года – на 1,7 п.п. Отсюда, казалось бы, можно сделать вывод об обострении проблемы молодежной безработицы – и это на фоне улучшения общей ситуации на рынке труда.

Таблица 9. Динамика уровней безработицы по пятилетним возрастным группам, 2008–2013 гг., %

Группы по возрасту	2008	2009	2010	2011	2012	2013	Разность 2008–2013 гг., п.п.
От 15 до 19 лет	25,9	31,0	31,8	30,8	28,2	26,1	+0,2
От 20 до 24 лет	11,7	16,4	14,9	13,4	13,4	12,6	+0,9
От 25 до 29 лет	6,4	9,0	8,0	7,1	6,1	6,0	–0,2
От 30 до 34 лет	5,4	7,3	6,7	6,0	4,8	5,0	–0,4
От 35 до 39 лет	5,1	7,0	5,8	5,1	4,4	4,4	–0,7
От 40 до 44 лет	5,0	6,3	5,6	4,8	3,8	4,1	–0,9
От 45 до 49 лет	4,7	6,5	5,7	5,0	4,1	4,1	–0,6
От 50 до 54 лет	4,8	6,4	5,8	5,3	4,2	4,4	–0,4
От 55 до 59 лет	4,1	5,9	5,1	4,7	3,6	3,8	–0,3
От 60 до 64 лет	4,0	4,6	4,2	3,8	2,7	3,2	–1,2
От 65 до 72 лет	3,7	4,2	3,8	2,9	3,2		–0,5
Всего	6,2	8,3	7,3	6,5	5,5	5,5	–0,7

Здесь, однако, необходимо иметь в виду несколько обстоятельств. Во-первых, из-за того, что от шока, вызванного кризисом 2008–2009 гг., молодежные группы пострадали сильнее, чем все остальные, для возвращения к докризисным показателям безработицы им также требовалось больше времени, и этот процесс до сих пор нельзя считать полностью за-

вершенным. Во-вторых, вполне возможно, что в случае молодежи мы сталкиваемся с эффектом негативного отбора: поскольку все большая часть молодых людей с лучшими способностями решает продолжать учебу, на рынке труда остаются работники с худшими способностями, которые, естественно, больше подвержены риску безработицы. В-третьих, молодежная безработица может «вздуваться» за счет попыток студентов сочетать учебу с временными подработками (известно, что у лиц с незаконченным высшим образованием безработица в среднем выше, чем у большинства других образовательных групп). В-четвертых, нельзя не отметить важный сдвиг, произошедший в 2013 г.: если среди молодежи безработица в течение этого года продолжала снижаться, то практически во всех остальных группах она росла или в лучшем случае стояла на месте (табл. 9).

4. Наём и выбытие: посткризисное замедление

Российский рынок труда всегда отличался очень высокими показателями оборота рабочей силы.

Динамика годовых коэффициентов найма и выбытия работников для всей экономики и для промышленности отражена на рис. 11 и 12. (Отметим, что в российской статистике данные об обороте рабочей силы собираются только по крупным и средним предприятиям.) В докризисный период показатели как найма, так и выбытия росли, причем как в абсолютном, так и в относительном выражении. Если в 2000 г. коэффициент найма составлял 26,9% (от списочной численности персонала), то в 2007 г. – 31%; если в 2000 г. коэффициент выбытия составлял 27,8%, то в 2007 г. уже 31,3%. При этом выбытие всегда несколько превышало наём, что предполагало постепенное сокращение занятости в сегменте крупных и средних предприятий. *Иными словами, динамика наймов и выбытий свидетельствует о практически монотонном снижении занятости в корпоративном секторе российской экономики.* И поскольку ее сжатие шло на фоне увеличения общей занятости, следствием этого стал активный переток рабочей силы из корпоративного (формального) в некорпоративный (неформальный) сектор.

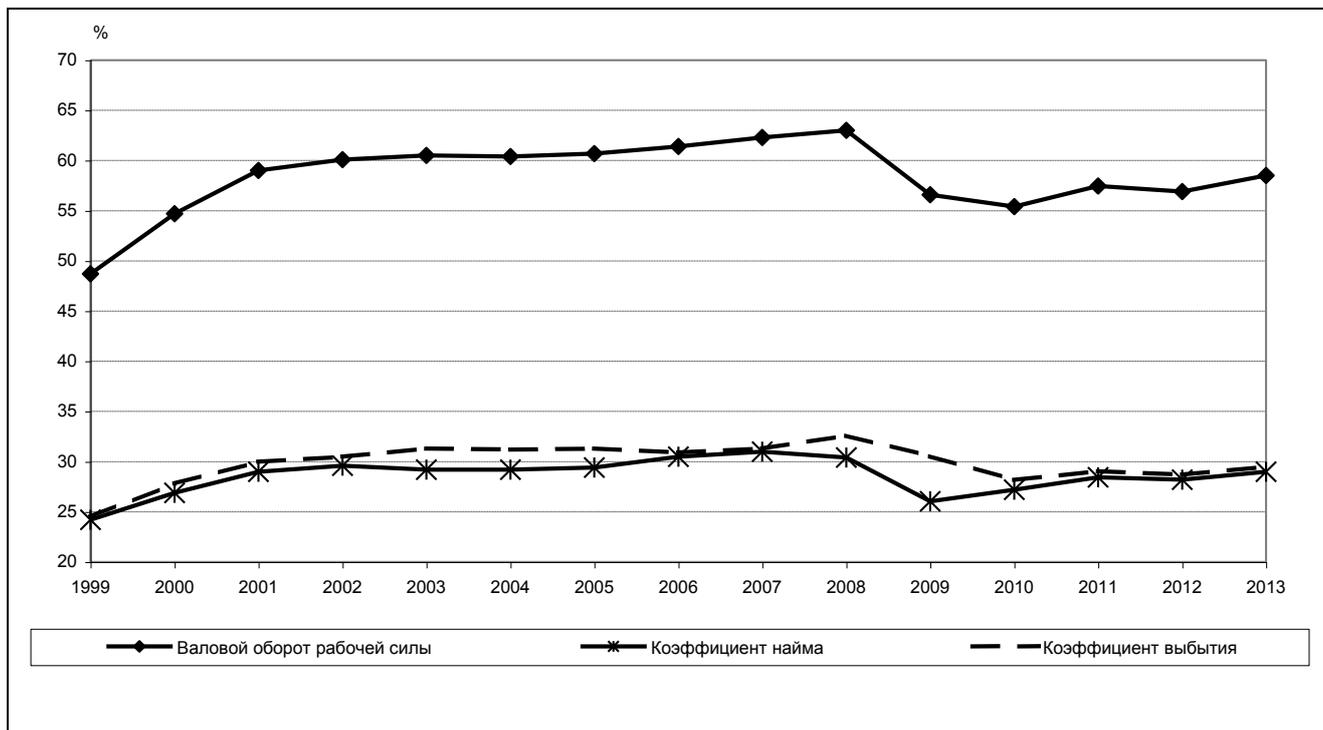


Рис. 11. Показатели движения рабочей силы, годовые данные, вся экономика, 2000–2013 гг., %

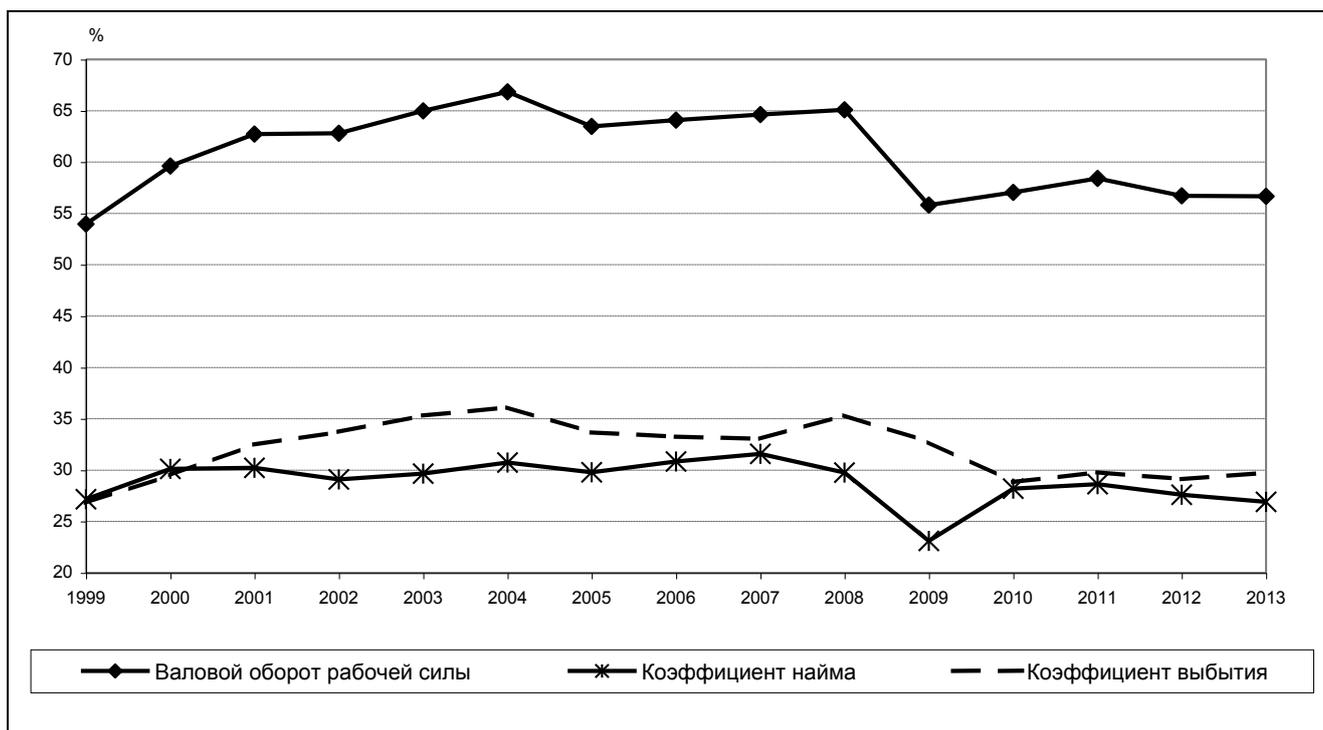


Рис. 12. Показатели движения рабочей силы, годовые данные, промышленность, 2000–2013 гг., %

Что касается вынужденных увольнений (по инициативе работодателей), то в условиях российского рынка труда они всегда поддерживались на ничтожно низком уровне – 1–1,5%. Адаптация через массовые увольнения никогда не имела на нем большого значения, что,

впрочем, не исключает использования предприятиями таких угроз для получения определенных льгот (об этом, в частности, свидетельствуют значительные расхождения между планируемыми и фактически осуществляемыми ими увольнениями).

В переходном (от бума к кризису) 2008 г. наём рабочей силы немного замедлился, а выбытие, напротив, ускорилось. Однако для 2009 г. мы наблюдаем парадоксальную ситуацию: как показывает рис. 11, в разгар экономического кризиса коэффициент выбытия по сравнению с 2008 г. не только не увеличился, но даже несколько снизился! В результате весь «сброс» занятости в кризисном 2009 г. был полностью осуществлен за счет *замораживания найма*. Действительно, в этом году наём сократился по сравнению с 2008 г. почти на 4,5 п.п. – с 30,4% до 26,0%, что означало фактическое возвращение на уровень 2000 г. Еще более глубокий провал в показателях найма – почти на 7 п.п. – наблюдался в промышленности (рис. 12).

Такой выбор предприятий – сокращение занятости не через активизацию увольнений, а через замедление найма – можно объяснить высокими издержками, которые сопряжены с проведением вынужденных увольнений. Эти издержки определяются требованиями Трудового кодекса, но могут увеличиваться сверх этого, например, в результате оказания на предприятия неформального давления со стороны региональных администраций. Кроме того, антикризисная программа дополнительных мер по снижению напряженности на рынке труда, действовавшая в 2009–2011 гг., могла еще больше усиливать стимулы к сохранению занятости и отказу от увольнений. И хотя коэффициент вынужденных увольнений в 2009 г. также немного подрос (до 2,2%), очевидно, что основным механизмом кризисного «сброса» занятости выступали добровольные увольнения при полузамороженном найме.

В посткризисный период показатели найма начали восстанавливаться, но они так и не смогли вернуться к своим прежним, докризисным значениям. То же можно сказать о показателях выбытия, которые также закрепились на уровне ниже тех, что наблюдались в докризисный период. Результатом этого стал переход российского рынка труда в режим функционирования с более низким валовым оборотом рабочей силы (определяемым как сумма наймов и увольнений) – 55–58% вместо 60–62%. Еще более сильное замедление интенсивности движения рабочей силы наблюдалось в промышленности – с отметки 64–65% до отметки 57–58%. Возможной причиной этого могло стать постепенное «старение» российской рабочей силы, которое мы обсуждали выше. (Известно, что самые высокие показатели текучести демонстрируют молодые работники, лишь недавно вышедшие на рынок труда.) Не исключено, однако, что наученные опытом кризиса 2008–2009 гг. российские предприятия стали осторожнее относиться к найму новых работников и более тщательно осуществлять их подбор.

Что происходило с движением рабочей силы в 2013 г.? Данные как по всей экономике, так и по промышленности свидетельствуют о том, что первый квартал этого года стал одним из редких случаев, когда наём превысил выбытие (на 0,6%), иными словами – когда крупные и средние российские предприятия не «сбрасывали», а наращивали занятость. Однако начиная уже со второго квартала 2013 г. выбытие вновь стало опережать наём, что естественно связать с постепенно ухудшавшейся экономической ситуацией. Общие потери рабочих мест по итогам этого года составили 0,5% от списочной численности персонала и были примерно такими же, как в предыдущем 2012 г. Но поскольку они были сконцентрированы в трех последних кварталах 2013 г., мы можем утверждать, что на вход экономики в состояние стагнации показатели движения рабочей силы отреагировали пусть и с запозданием, но относительно небольшим.

5. Вакансии: на историческом максимуме

Рост (сокращение) занятости обычно является следствием роста (сокращения) спроса на труд в ответ на изменение экономической конъюнктуры. В периоды экономического роста предприятия увеличивают занятость, расширяя при этом пул своих вакансий, а в периоды кризиса ее уменьшают, сокращая при этом и вакантные рабочие места. Таким образом, количество вакансий является дополнительным показателем, характеризующим спрос на труд. К сожалению, в отличие от других стран, где показатели вакансий наряду с показателями безработицы являются ключевыми при анализе ситуации на рынке труда, в России статистика вакансий крайне редко попадает в поле зрения исследователей.

О массиве вакансий на российском рынке труда можно судить на основе двух альтернативных источников – статистики служб занятости и отчетности предприятий. В первом случае это показатель *потребности в работниках, заявленной в службы занятости*, во втором – показатель *количества вакантных рабочих мест*, зафиксированных в отчетах предприятий. Оба имеют свои преимущества и недостатки. Если первый, в отличие от второго, смещен в сторону менее квалифицированных и оплачиваемых рабочих мест, то второй, в отличие от первого, может включать в себя чисто номинальные вакансии, не отражающие реального спроса на рабочую силу. Кроме того, второй показатель охватывает только крупные и средние предприятия (только по ним собираются данные о вакансиях), а первый может не давать точного представления о вакансиях на данный момент времени, так как они могут продолжать числиться в банке данных Государственной службы занятости даже после их заполнения. В связи с этим имеет смысл анализировать оба этих индикатора.

Динамика уровня вакансий по данным ГСЗ (рассчитывается аналогично уровню безработицы по отношению к численности экономически активного населения) представлена на

рис. 13. Колебания этого показателя происходили в достаточно узком диапазоне 0,5–2,7%. В траектории его изменения можно выделить несколько этапов: ускоренный рост в начальный «постдефолтный» период (с исходного уровня 0,5% до более чем 1,5%); стагнация в период 2002–2006 гг.; скачок в период бума 2007–2008 гг. (до отметки 2,1%); резкое падение в период кризиса (до менее чем 1%); активный рост в посткризисный период (до 2–2,5%). Исторического пика уровень вакансий по данным ГСЗ достиг в середине 2013 г. – 2,7%, после чего начал быстро снижаться. (Примечательно, что примерно та же точка перелома обнаруживается у показателей экономической активности и безработицы.) Но даже после этого снижения он все равно продолжал удерживаться на очень высокой отметке по меркам российского рынка труда (1,8% в конце 2013 г., что примерно соответствует показателям середины 2008 г.).

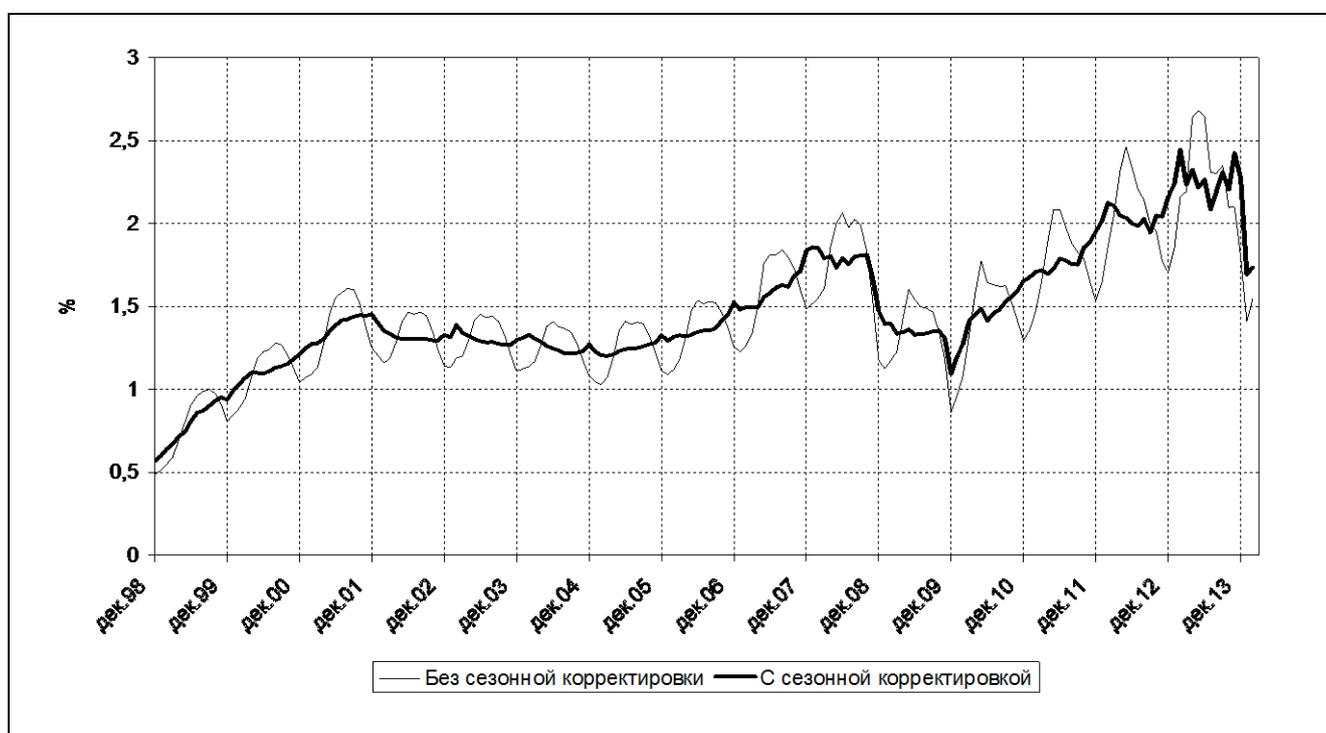


Рис. 13. Динамика уровня вакансий в банке данных ГСЗ, месячные фактические и сезонно скорректированные данные, 1998–2013 гг., %

Анализ динамики уровня вакансий в банке данных ГСЗ убеждает, что во многих случаях этот показатель реагировал не на объективные изменения, происходившие на рынке труда, а на изменения в объемах финансирования ГСЗ и используемых ею правилах учета безработных. В этом смысле он предстает как достаточно «зашумленный». Более информативным является показатель уровня вакансий по отчетности предприятий (рассчитывается ежеквартально по отношению к списочной численности их персонала). Его динамика для всей экономики и для промышленности представлена на рис. 14.

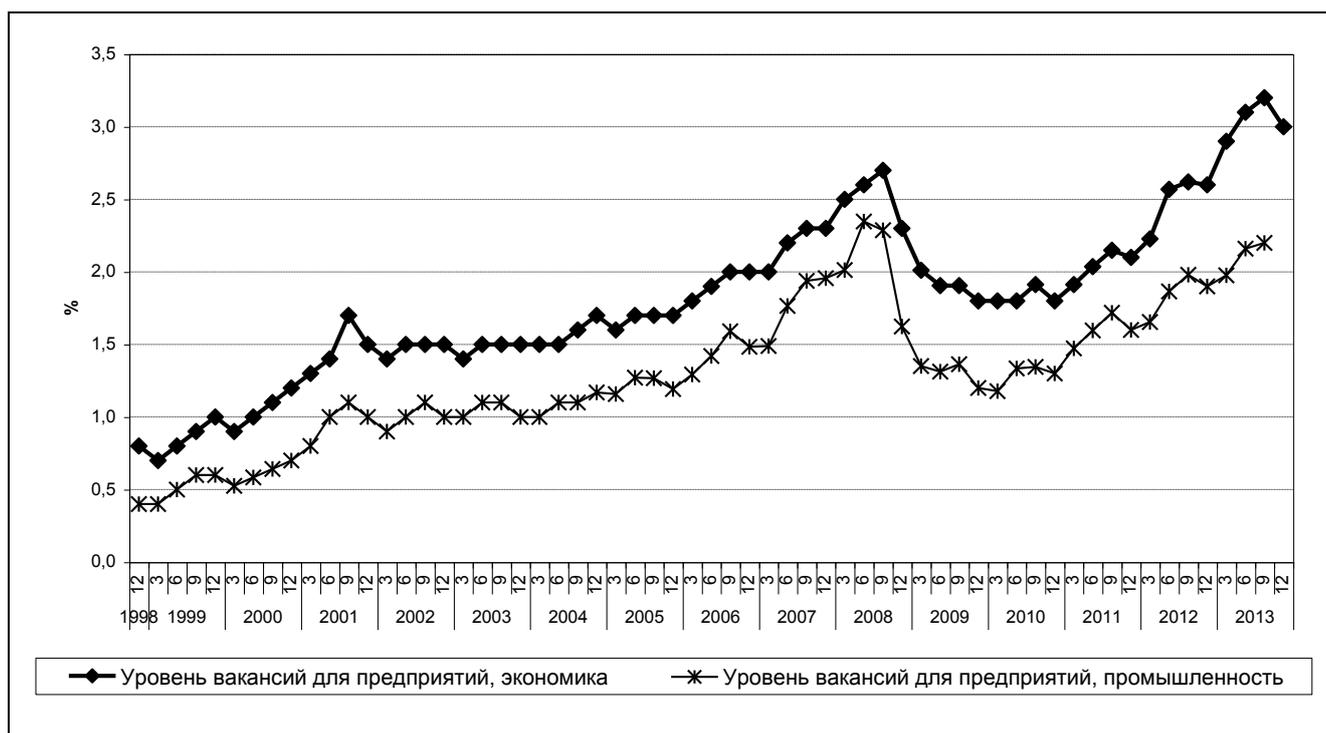


Рис. 14. Динамика уровня вакансий по отчетности предприятий, квартальные данные, 1998–2013 гг., %

Траектория изменения уровня вакансий по отчетности предприятий во многом повторяет траекторию изменения уровня вакансий в ГСЗ: рост в ранний «постдефолтный» период (примерно в 2 раза – с 0,9% в 1999 г. до 1,7% в 2001 г.); стагнация в период 2002–2005 гг.; переход на новый уровень с достижением локального пика 2,7% в период 2005–2008 гг.; провал в кризисные годы; новый подъем в период 2011–2013 гг. Удивительно, но абсолютного максимума он достиг в третьем квартале 2013 г., когда вышел на отметку 3,2%. Это – исторический рекорд, показывающий, с какими серьезными трудностями приходится сталкиваться сейчас многим российским предприятиям при подборе персонала. Вместе с тем нельзя не отметить, что в промышленности уровень вакансий так и не достиг максимума, датируемого серединой 2008 г., хотя и вплотную к нему приблизился (рис. 14). Это позволяет предполагать, что «разбухание» пула вакансий, наблюдавшееся в последние несколько лет, генерировалось не только и не столько частным сектором, сколько отраслями бюджетной сферы.

Поддержание высоких (даже растущих!) показателей вакансий в условиях полустагнирующей экономики является парадоксом, не имеющим очевидного объяснения. Возможно, это означает, что в одних сегментах экономики спрос на труд начал уже активно снижаться, но в других все еще продолжал расти. Возможно также, что предприятия настолько привыкли к найму определенных категорий рабочей силы, испытывающих сейчас дефицит

предложения, что результатом этого могло стать увеличение среднего времени, которое им приходится затрачивать на заполнение одной вакансии. Активизация «охоты» за такими (предположительно – более производительными) работниками могла привести к тому, что, несмотря на сокращение общего спроса на труд, предприятия все равно вынуждены держать открытыми большее, чем раньше, число вакансий.

Только в последнем квартале 2013 г. вакансии по отчетности предприятий, наконец, стали сокращаться, хотя и продолжали удерживаться на очень высокой отметке (3,0%), близкой к историческому максимуму. Как видим, на ухудшение положение дел в экономике показатели вакансий отреагировали намного позднее других индикаторов рынка труда.

6. Оплата труда: в тандеме с производительностью

До сих пор речь шла о количественных характеристиках функционирования рынка труда, однако не менее важным является его ценовое измерение, а именно – динамика оплаты рабочей силы. При изучении этой проблемы принято использовать два альтернативных показателя – «потребительской реальной заработной платы» (с корректировкой номинальной заработной платы на рост потребительских цен) и «производительской реальной заработной платы» (с корректировкой номинальной заработной платы на рост цен производителей). Первый показывает, как меняется покупательная способность заработной платы с точки зрения работников, второй – как меняется стоимость рабочей силы с точки зрения фирм. К сожалению, подавляющее большинство российских исследователей (как, впрочем, и официальные российские ведомства) по инерции продолжают пользоваться при анализе исключительно традиционным показателем «потребительской реальной заработной платы», что нередко приводит к ложным выводам и может серьезно исказить реальную картину происходящего на российском рынке труда.

Достаточно сопоставить динамику ИПЦ с динамикой ИЦП, чтобы убедиться, что в 2000-е годы они двигались по несовпадающим траекториям (рис. 15). Так, за 2005–2013 гг. кумулятивный прирост ИПЦ составил примерно 110%, тогда как кумулятивный прирост ИЦП – почти 140%. Иными словами, рост ИПЦ значительно отставал от роста ИЦП. (Отметим, что в российской экономике подобное соотношение отмечалось на протяжении большей части всего пореформенного периода.)¹¹ Очевидно, что оценки динамики реальной оплаты труда, получаемые при использовании этих альтернативных ценовых индексов, также должны отличаться.

¹¹ В этом смысле обращает на себя внимание эпизод, связанный с кризисом 2008–2009 гг., когда это соотношение было обратным: в динамике цен производителей промышленной продукции наблюдался резкий провал, тогда как потребительские цены продолжали устойчиво расти практически неизменными темпами.

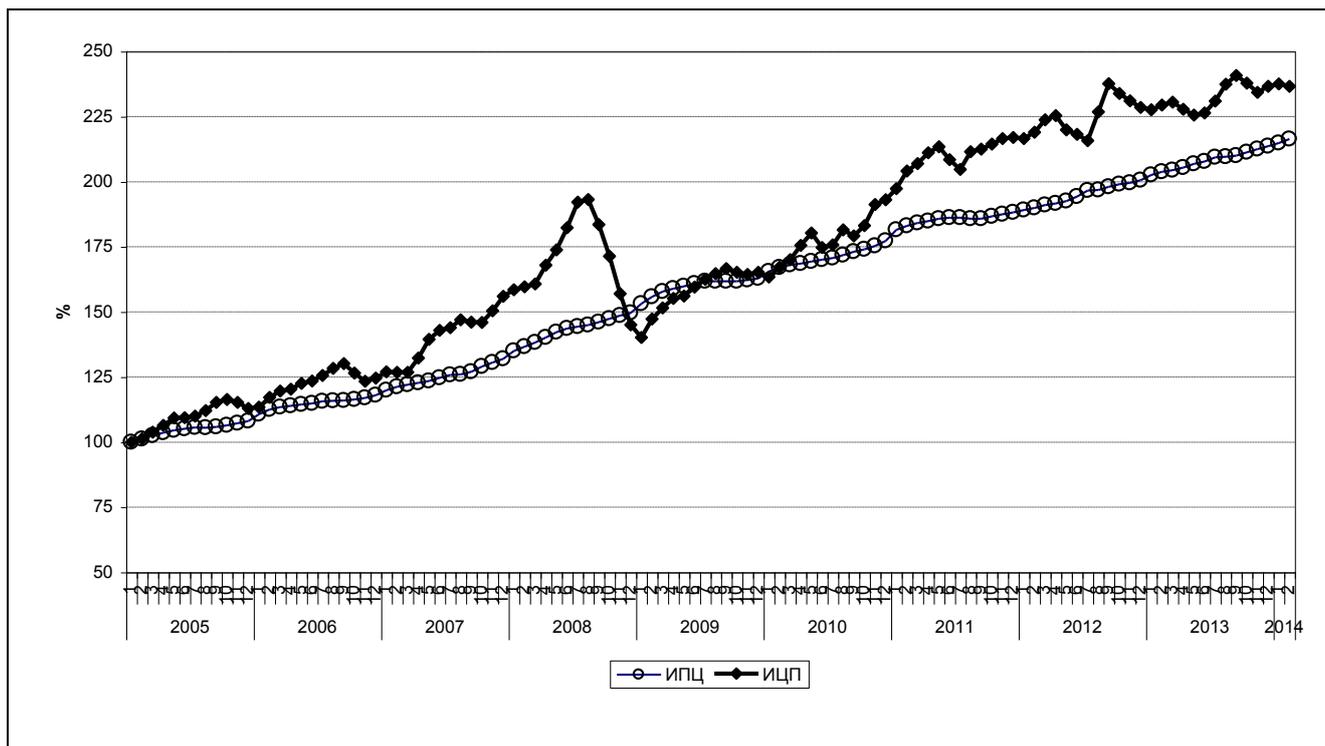


Рис. 15. Индексы потребительских цен и цен производителей промышленной продукции, 2005–2014 гг., % (январь 2005 г. = 100%)

На рис. 16 представлены 12-месячные темпы прироста (год к году, к соответствующим месяцам предыдущих лет) двух «традиционных» индикаторов оплаты труда – номинальной заработной платы и реальной заработной платы, дефлированной по ИПЦ. В докризисный период годовые темпы прироста номинальной заработной платы достигали 20–30%, в кризис они «провалились» до 5%, в посткризисный период произошло восстановление и их колебания стали происходить в диапазоне 10–15%. Для 2013 г. мы обнаруживаем признаки явного замедления: к концу года 12-месячные темпы прироста номинальной заработной платы из двузначных стали однозначными.

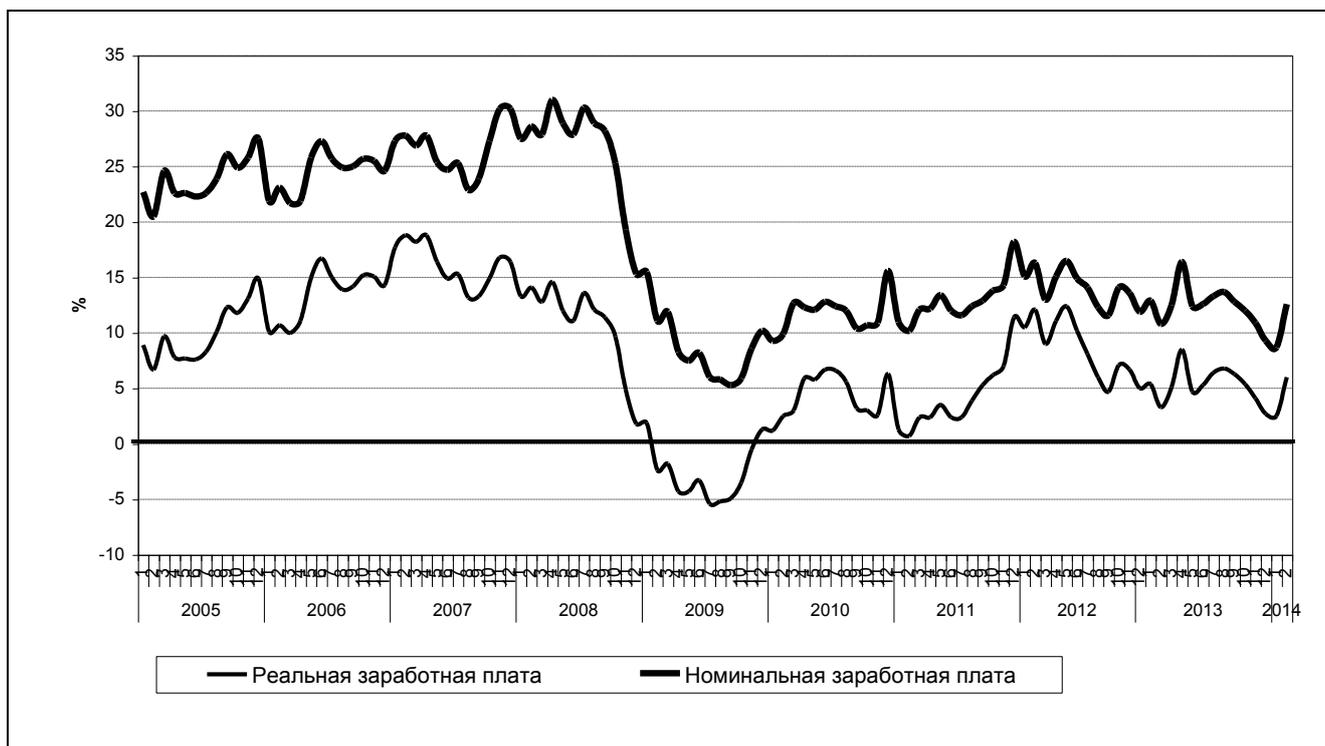


Рис. 16. Двенадцатимесячные темпы прироста номинальной и реальной «потребительской» заработной платы, 2005–2014 гг., %

Если говорить о реальной заработной плате, дефлированной по ИПЦ, то в докризисный период 12-месячные темпы ее прироста доходили до 10–15%; в кризис ушли в зону отрицательных значений¹²; в 2010–2011 гг. вновь стали положительными, колеблясь вокруг отметки 5%, а в первой половине 2012 г. ускорились еще сильнее до почти 10%. К концу 2013 г. 12-месячные темпы прироста не только номинальной, но и реальной заработной платы (дефлированной по ИПЦ) заметно снизились, опустившись ниже отметки 5%.

Однако более точное представление о ситуации на рынке труда можно получить с помощью реальной «производительской» заработной платы, поскольку спрос предприятий на рабочую силу определяется именно ею. Индекс цен производителей рассчитывается не для всей экономики, а по каждому сектору отдельно. Мы ограничимся сравнением траекторий изменения потребительской и производительской реальной заработной платы лишь для одного ключевого сектора российской экономики – промышленности.

¹² Тем не менее это падение выглядит как достаточно умеренное. Напомним, что в 1990-е годы в некоторых наиболее острых кризисных эпизодах реальная «потребительская» заработная плата «провалилась» на 25–30%. Ее относительно скромная реакция во время последнего экономического кризиса во многом стала результатом повышения оплаты труда в бюджетной сфере, имевшем место в 2009 г., а также резкого увеличения федерального МРОТ в январе 2009 г. (почти на 90%).

Первое, что обращает на себя внимание, – это резкое опережение темпов роста «потребительской» реальной заработной платы по сравнению с «производительской»: если первая выросла за «постдефолтный» период (1999–2013 гг.) примерно в 4 раза, то вторая – лишь в 2,5 раза (рис. 17). (Этот разрыв – обратная сторона отставания динамики ИПЦ от динамики ИЦП.) В результате данные о росте «потребительской» заработной платы могут создавать ошибочное представление о резком удорожании рабочей силы с точки зрения предприятий, тогда как на самом деле оно может отсутствовать.

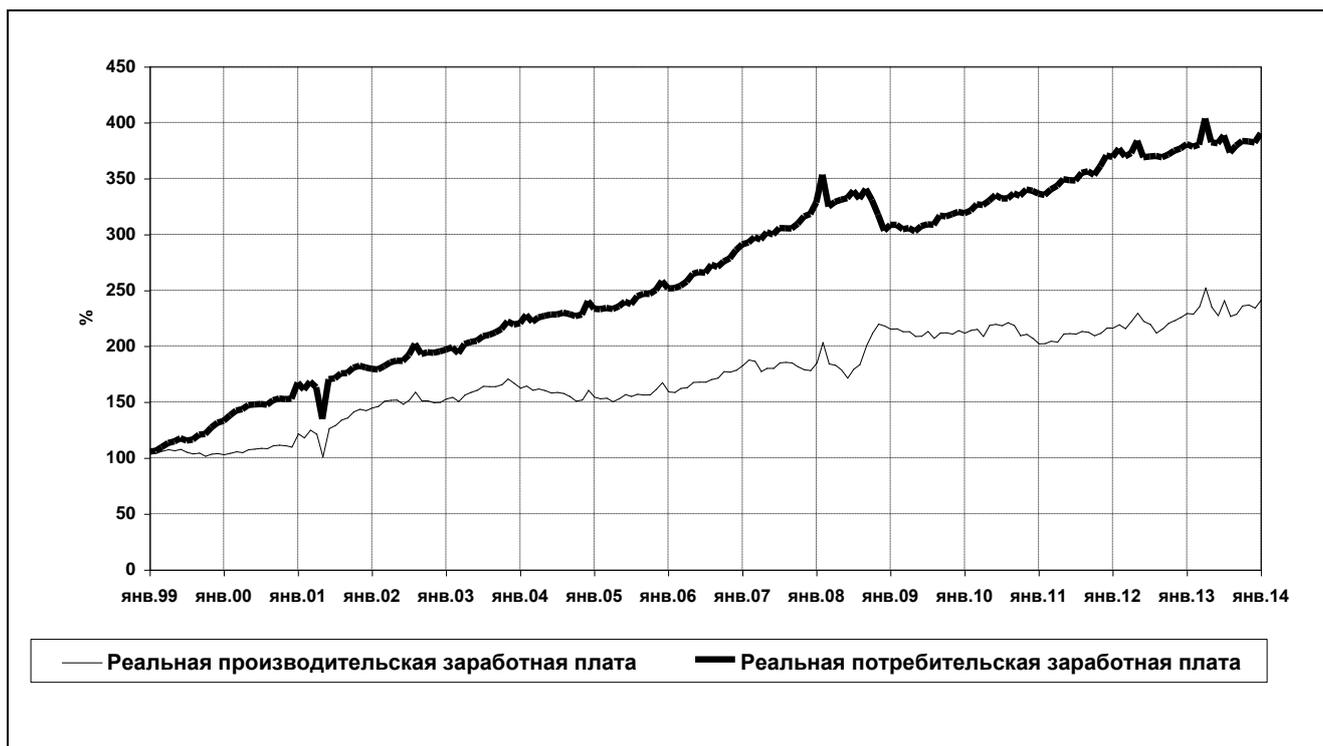


Рис. 17. Месячные индексы реальной «потребительской» и реальной «производительской» заработной платы, 1999–2013 гг., % (сезонно скорректированные показатели, промышленность, январь 1999 г. = 100%)

Особенно следует выделить период 2002–2006 гг., когда в промышленности реальная заработная плата, дефлированная по ИПЦ, устойчиво росла, а реальная заработная плата, дефлированная по ИЦП, фактически «топталась» на месте. Однако в кризис это соотношение оказалось перевернуто: реальная потребительская заработная плата значительно «просела», тогда как реальная производительская заработная плата пошла круто вверх. (Это опять-таки явилось обратной стороной расхождения между темпами прироста ИПЦ и ИЦП, но на этот раз в пользу первого из них.) При выходе из кризиса прежнее соотношение восстановилось: как видно из рис. 17, в 2009–2011 гг. реальная заработная плата, дефлированная по ИПЦ, устойчиво повышалась, тогда как реальная заработная плата, дефлированная по ИЦП, почти не менялась. Приблизительно с середины 2012 г. можно говорить о начале нового раунда по-

вышения реальной производительской заработной платы в промышленности (т.е. удорожания рабочей силы с точки зрения предприятий), получившего затем дополнительное ускорение в первые месяцы 2013 г. Однако длилось это недолго и уже с середины 2013 г. она вновь начала снижаться.

Однако на вопрос об удорожании/удешевлении рабочей силы для предприятий невозможно ответить, оперируя одними лишь показателями заработной платы. Динамика оплаты труда должна рассматриваться в сопоставлении с динамикой его производительности. На рис. 18 представлены фактические и сезонно скорректированные месячные индексы роста производительности труда в российской промышленности в 2005–2013 гг. За этот период она выросла примерно в 1,5 раза (причем примерно две трети этого прироста были обеспечены ростом объема выпуска и примерно треть – сокращением занятости). Отметим, что месячные темпы прироста производительности отличались поразительной устойчивостью и на протяжении всего рассматриваемого периода практически не менялись по величине. Исключения – кризис и начало посткризисного восстановления. В первый из этих подпериодов она «провалилась» примерно на 15%, а во второй ускоренными темпами этот провал компенсировала.

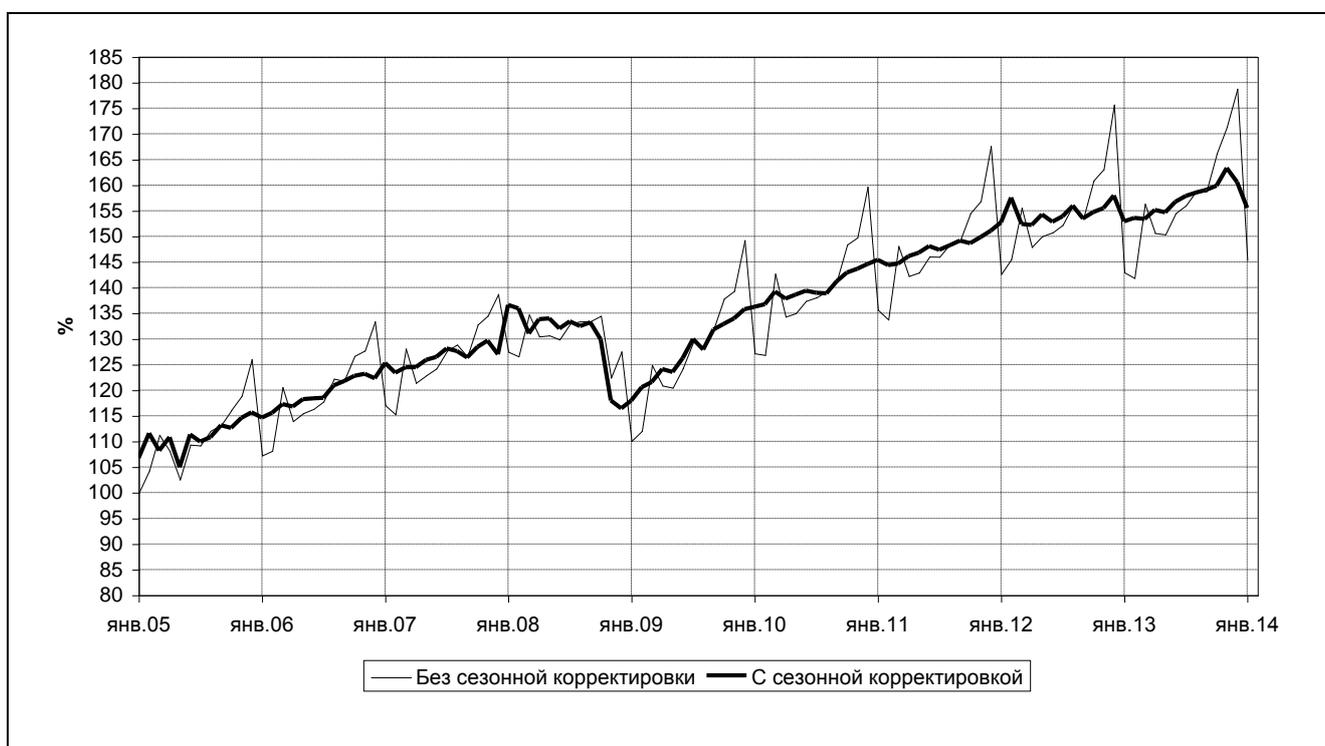


Рис. 18. Динамика производительности труда в промышленности, фактические и сезонно скорректированные показатели, 2005–2013 гг., % (январь 2005 г. = 100%)

О сравнительной динамике производительности труда и трудовых издержек в промышленности позволяют судить данные, представленные на рис. 19. Мы видим, что в докри-

зисный период производительность устойчиво росла быстрее реальной производительской заработной платы, т.е. на компенсацию рабочей силы у предприятий уходила все меньшая доля выпускаемой ими продукции. В кризис ситуация радикально изменилась: производительность, как мы уже упоминали, «провалилась», тогда как трудовые издержки пошли резко вверх. Как следствие, в течение 2009–2010 гг. производительность удерживалась на более низком относительном уровне, чем реальная производительская заработная плата. Возвращение к докризисному соотношению произошло на рубеже 2010–2011 гг. и вплоть до начала 2013 г. возникший отрыв в пользу производительности труда оставался примерно одним и тем же. Однако первая половина 2013 г. была отмечена резким скачком трудовых издержек (имело место существенное удорожание рабочей силы с точки зрения предприятий), который, впрочем, достаточно быстро сошел на нет (в «гонке» между производительностью и оплатой труда установилось примерное равновесие).

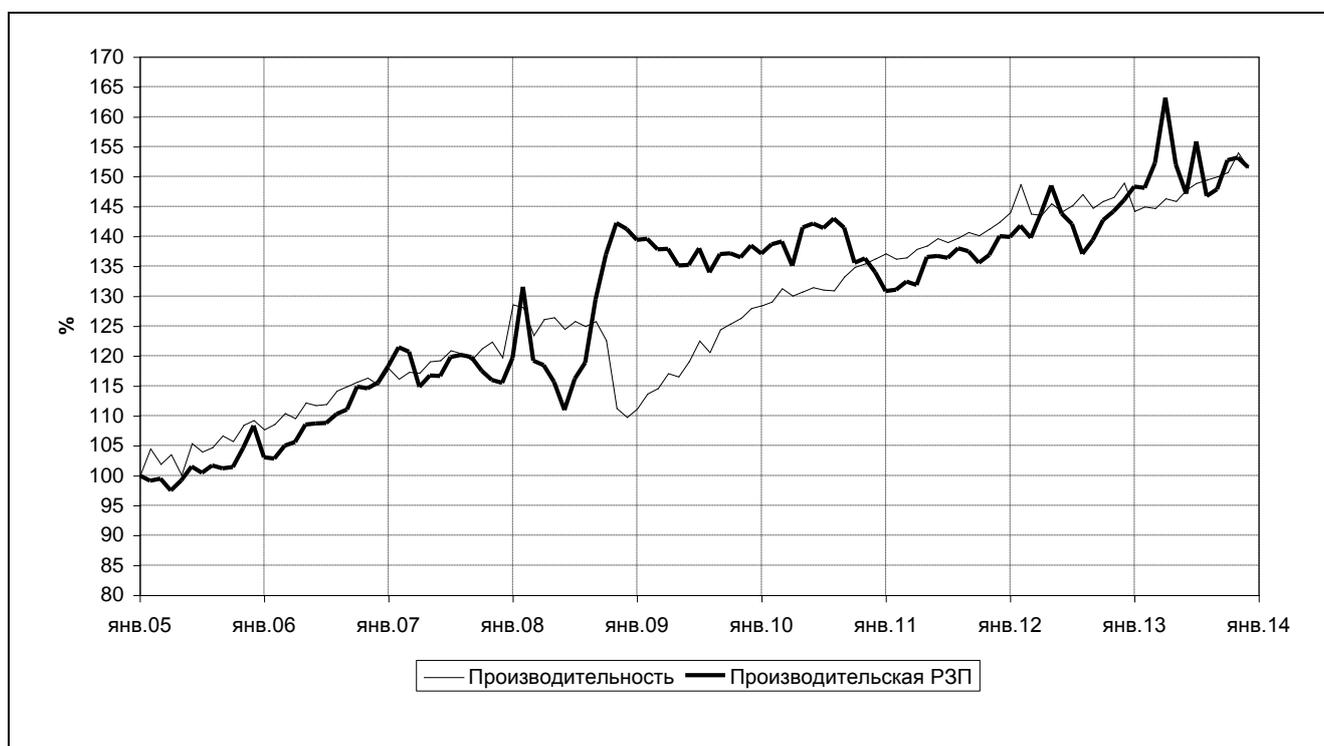


Рис. 19. Сравнительная динамика производительности труда и реальной «производительской» заработной платы, сезонно скорректированные показатели, 2005–2013 гг. (промышленность, январь 2005 г. = 100%)

Мы не беремся с уверенностью прогнозировать, как события будут развиваться дальше. Если относительная «нормализация» соотношения между уровнем производительности и уровнем трудовых издержек, наблюдавшаяся в конце 2013 г., сохранится, то это поможет российской промышленности выйти из затянувшегося состояния стагнации. Если же реальная производительская заработная плата вновь вырвется вперед (а данные за первые месяцы

2014 г., похоже, указывают именно на это), то это станет дополнительным фактором, сдерживающим рост производства.

Однако если говорить о долгосрочном соотношении между этими показателями, то оно, как показывает рис. 19, за рассматриваемый период почти не изменилось. Действительно, как у производительности труда, так и у реальной производительской заработной платы кумулятивные приросты за период 2005–2013 гг. составили практически одинаковую величину – порядка 50%. Это означает, что ни о какой долговременной тенденции к удорожанию рабочей силы в этот период говорить не приходится, и в последние годы рабочая сила обходилась промышленным предприятиям не дороже (в относительном выражении), чем она обходилась им в середине 2000-х годов.

Заключение

Представленный выше анализ свидетельствует о том, что в настоящее время российский рынок труда находится в состоянии неустойчивого равновесия. Уникальность текущего момента состоит в том, что в 2013 г. российская экономика перешла в режим затухающих темпов роста.

На первый взгляд, рынок труда никак не отреагировал на «вползание» экономики в состояние стагнации. Экономическая активность и занятость населения в 2012–2013 гг. находились вблизи своих исторических максимумов, а безработица – на историческом минимуме. Бьет все рекорды также и уровень вакансий на предприятиях. Хотя данные по найму и выбытию указывают на сокращение валового оборота рабочей силы, заметного роста увольнений не наблюдалось. Картину дополняет то, что соотношение между производительностью труда и издержками на труд (реальной «производительской» заработной платой) практически не изменилось, так что в последние годы рабочая сила обходилась (промышленным) предприятиям не дороже (в относительном выражении), чем в середине 2000-х годов.

Однако более детальный анализ показывает, что реакция со стороны рынка труда, хотя и отложенная во времени, все-таки имела место. Во второй половине 2013 г. снизилась экономическая активность, началось сокращение занятости, возросла безработица. Конец года был отмечен ощутимым снижением показателей вакансий. Замедлились также и темпы роста заработной платы, хотя, возможно, это замедление было кратковременным.

Ситуация на рынке труда серьезно осложнялась тем, что стагнация в экономике переплелась с действием целого ряда долгосрочных факторов. Это:

- 1) истощение внутренних источников поддержания численности занятого населения. Резервы роста экономической активности отсутствуют, как и резервы снижения без-

работицы. Это означает, что необходимость поддержания темпов экономического роста осложнится прогнозируемым сокращением рабочей силы. При этом наибольшее сокращение испытают молодые когорты, играющие особую роль в модернизации экономики. И если стагнация в экономике продлится, то на рынке труда возможно возникновение ситуации, когда *сокращение спроса на труд будет происходить на фоне сокращения предложения труда*. В таких условиях безработица может продолжать оставаться устойчиво низкой, так что оценки ее уровня будут давать искаженное представление о реальном положении дел на рынке труда;

2) дрейф «естественной» нормы безработицы в сторону ее снижения. Существующий низкий уровень безработицы во многом достигнут за счет благоприятных изменений в структуре рабочей силы (ее возрастно-образовательном составе). По нашим оценкам, «естественная» норма безработицы сместилась вниз из коридора значений 6–7% в докризисный период в коридор значений 5–6% в настоящее время;

3) в корпоративном секторе на протяжении всего периода 2000–2013 гг. показатели найма отставали от показателей выбытия, что вело к сжатию корпоративной занятости. Отдельные эпизоды с обратным соотношением между этими показателями были кратковременными и в целом не меняли картины. Поскольку сжатие корпоративного сектора шло на фоне увеличения общей занятости, следствием этого был активный переток рабочей силы в некорпоративный (неформальный) сектор.

Тем не менее пока основные индикаторы рынка труда все еще выглядят достаточно благополучно. Их дальнейшая динамика будет зависеть от того, как станет развиваться ситуация в экономике. Нет сомнений, что на возобновление экономического роста рынок труда отреагирует позитивно. Но если стагнация продолжится или начнет перерастать в полноценный кризис, то ухудшение пойдет по всему фронту и негативная динамика проявится даже в тех показателях, которые до сих пор не реагировали или почти не реагировали на нарастание экономических трудностей.

На фоне внешне благоприятных показателей состояния рынка труда в последнее время все более очевидными становились структурные диспропорции, в том числе демографически и институционально обусловленные. Так, в долгосрочной перспективе экономическая активность и занятость будут сильно ограничиваться негативной демографической тенденцией. Следствием этого может стать замедление ежегодных темпов экономического роста примерно на 0,5 п.п. При сохранении базовых институциональных параметров российской экономики эти диспропорции, скорее всего, будут обостряться и накапливаться и дальше.

Kapeliushnikov, R., Oschepkov, A. The Russian labor market: paradoxes of the post-crisis performance [Electronic resource] : Working paper WP3/2014/04 / R. Kapeliushnikov, A. Oschepkov ; National Research University Higher School of Economics. – Electronic text data (1 MB). – Moscow : Publishing House of the Higher School of Economics, 2014. – (Series WP3 “Labour Markets in Transition”). – 41 p.

In the end of 2012 the Russian economy entered a period of permanently declining growth rates. The paper provides a thorough analysis of the labor market performance under these new conditions. We explain why despite the economic stagnation its basic characteristics – labor force participation, employment, unemployment, hirings and separations, vacancies – remained at very favorable levels. Analysis also indicates that though with certain lag the labor market started to react to negative economic shocks. We conclude that now effects of long-run structural shifts intervene with the effects of short-run economic fluctuations and this will seriously affect the dynamics of the Russian labor market in the medium- and long-term perspectives.

Препринт WP3/2014/04
Серия WP3
Проблемы рынка труда

Капелюшников Ростислав Исаакович, Ощепков Алексей Юрьевич

**Российский рынок труда:
парадоксы посткризисного развития**